

Ирина Шевченко

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Ирина Шевченко

Демоны ее прошлого

Фэнтези • Любовный роман • Детектив

Роман

 Москва, 2018
САРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
ШЗ7

Серия основана в 2011 году
Выпуск 363

Художник
В. Федоров

Шевченко И. С.

ШЗ7 Демоны ее прошлого: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 474 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2698-0

Оливер Райхон, ректор Королевской академии магии, богат, успешен и не обделен вниманием прекрасных дам. На первый взгляд ему можно только позавидовать. Но годы идут, любимая работа превратилась в рутину, мечты забыты в суете, у друзей свои заботы, а семья — лишь старые фото в альбоме.

Все изменится с появлением новой студентки, скрытной и слишком способной для первокурсницы. Тайный роман заставит забыть о возрасте. Расследование давнего преступления отправит путешествовать по всему королевству. Череды опасностей научит снова ценить жизнь.

Но удастся ли выбраться из всего этого живым? Реально ли переиграть противника, начавшего свою игру еще много лет назад? Возможно ли обрести счастье с той, за кем идут по пятам демоны прошлого?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Шевченко И. С., 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2698-0

Сергею Пашкову. С благодарностью за дружескую поддержку и помощь в работе над книгами, в том числе — этой

ПРОЛОГ

Элизабет не планировала идти сегодня в лечебницу, но вынужденное безделье раздражало. Еще сильнее злила мысль, что она, Элизабет Аштон-Грин, не в таком уж давнем прошлом отличившаяся в истории, названной самым невероятным происшествием века, как вдруг выяснилось, просто ужасная мать. Проявлялось это не в недостатке любви к четырехлетнему сыну, не в неумении позаботиться о нем во время трехдневного отсутствия няни, из-за чего, собственно, Элизабет и пришлось взять отпуск, не в том, что она не способна занять малыша Грэма играми или сказками, а в том, что все это — игры, сказки и прочие детские развлечения — безумно ее тяготило. Не создана была миссис Грин для того, чтобы посвятить жизнь ребенку. Выходные, вечера, отпуск, не вынужденный, в середине декабря, а полноценный двухнедельный отпуск с семьей на море или в загородном поместье родителей — это да. Но жизнь? Нет, ни за что. И пускай никто и не требовал, чтобы она оставила работу и учебу и превратилась в наседку, Элизабет чувствовала вину за то, что не готова к подобной жертве. Особенно в нынешних обстоятельствах. И вина эта давила с такой силой, что хотелось сбросить хотя бы часть ее на крепкие мужские плечи.

— Навестим папу, — сказала Элизабет сыну и тут же ощутила новый укол совести за всплывшую вдруг мысль, что в лечебнице, быть может, найдется срочное дело, за которое она с радостью возьмется, оставив Грэма под присмотром сестер.

Что это могло быть за дело, чтобы его некому было поручить, кроме как недавно закончившей последипломную практику целительнице, избравшей специализацией патологическую анатомию, она не представляла. Но ничего нельзя было исключить. И Элизабет тяжело вздохнула, в который раз убедившись, насколько она плохая мать, раз мечтает о подобном. Таким, наверное, и детей заводить не положено.

Благодаря порталальной сети путь в лечебницу занимал не больше пяти минут, но за окном все же зима, и Элизабет компенсировала недостаток материнских чувств натянутым на ребенка свитером, теплой шапкой и поднятым воротником пальто.

— Добрый день, миссис Грин, — улыбнулась дежурная сестра. — И мистер Грин, — шутливо поклонилась она Грэму.

Мальчик поправил съехавшую на глаза шапку и важно кивнул в ответ.

— Доктор Грин у себя? — поинтересовалась Элизабет.

Это дома муж был просто Эдом, в редких случаях — Эдвардом, но тут — доктором Грином, заведующим лечебницей и ее, Элизабет, начальником, и отвлекать его от пациентов она себе никогда не позволила бы.

Узнав, что супруг у себя и не занят, подмигнула сыну:

— Устроим папе сюрприз.

Сюрприз не удался. Или удался — если говорить о сюрпризе для самой Элизабет. Но приятным он не был.

Оставив Грэма за спиной, чтобы он раньше времени не выдал их появления, миссис Грин заглянула в кабинет мужа как раз в тот момент, когда мистер Грин, забыв обо всем, включая предосторожность, о которой должен помнить всякий женатый мужчина, решившийся завести интрижку на стороне, обнимался с какой-то девицей. Бет поспешно прикрыла дверь, но рассмотреть, увы, успела многое. И то, с какой страстью Эд — ее Эд! — тискал, завалив на стол, растрепанную блондинку, и как та вцепилась ему в плечи...

Бет обернулась к сыну и выдавила улыбку:

— Папочка занят. Навестим леди Пенни?

Кабинет леди Пенелопы Райс, бывшей наставницы Элизабет, располагался чуть дальше по коридору, но, показалось, они шли к нему целую вечность.

— Здравствуйте, леди Пенелопа. — Элизабет, не входя, подтолкнула сына вперед. — Можно оставить у вас Грэма ненадолго?

Сидевшая за столом седовласая дама с улыбкой оторвала взгляд от бумаг, но тут же обеспокоенно нахмурилась, всмотревшись в бледное лицо гостьи.

— Элизабет, у вас что-то случилось?

— Нет-нет, — заверила наставницу Элизабет. — Хочу лишь сказать Эдварду пару слов наедине.

Поймала себя на том, что непроизвольно обматывает костяшки шарфом, и тряхнула рукой. Урожденная леди Аштон не опустится до выяснения отношений с помощью кулаков. Хотя могла бы, конечно... Но нет. Развод. Сразу. Мирно и цивилизованно.

Но вдруг это ничего не значит? Кризис среднего возраста — кажется, так говорят. Недавно Эдварду исполнилось пятьдесят, не так уж много для мага его уровня, но звучит солидно. Вот и потянуло на молоденьких. А она, Элизабет, далеко не девочка, двадцать семь уже. И поправляться снова начала, с два фунта набрала. Да и жена, наверное, такая же плохая, как и мать, в семье хва-

тило бы и одного практикующего целителя, а ей нужно было заниматься... чем там занимаются правильные жены?

И все же после того, через что они прошли вместе... Нет, развод.

Элизабет решительно толкнула дверь в кабинет мужа и закусила губу, никого не увидев. Значит, они уже в смежной комнате, где у Эда оборудована лаборатория и личная смотровая... с удобной кушеткой...

Но плакать она не станет! Только в глаза ему посмотрит. Хотя, если войдет сейчас, увидит помимо глаз много чего еще, и после придется с этим жить...

Элизабет остановилась у входа в лабораторию, но, прежде чем успела что-либо сделать, дверь перед ней распахнулась и на пороге возник мистер Грин собственной персоной.

— Бет? — отпрянул он, увидев жену. — Что-то случилось? С Грэмом?

В его голосе слышался неподдельный испуг, и Элизабет, невзирая на обстоятельства, поспешила успокоить мужа:

— Все хорошо, Грэм у леди Райс. Мы гуляли... — И тут же взволнованно подалась вперед, забыв о предстоящем разводе. — Это кровь? Ты поранился?

Доктор Грин поглядел на свой живот, где расплывалось по светло-кофейной ткани сюртука бурое пятно, и тряхнул головой.

— Кровь. Не моя. Тут... — Решив, что показать быстрее, чем объяснять на словах, отступил с прохода. — Помнишь мисс Мэйнард? Вывалилась из портала прямо мне на стол.

Зайдя в смежную с кабинетом комнату, Элизабет увидела лежащую на кушетке девушку. Увидела, узнала и, проведя беглое сканирование, поняла, что та в глубоком обмороке вследствие магического истощения, а посему мысли о неверности супруга можно выбросить из головы.

— Какое счастье! — вырвалось с облегченным вздохом. Эдвард посмотрел с недоумением, и пришлось срочно исправляться: — Счастье, что ты не ранен. А что с ней? — Элизабет склонилась над девушкой.

Теперь, когда глупости забыты, следовало разобраться, что произошло: просто так обессиленные студентки из порталов не выпадают.

— Не успел осмотреть. Поможешь ее раздеть?

Под пальто девушки прощупывался какой-то предмет. Стоило расстегнуть несколько пуговиц, как на пол упал окровавленный сверток.

Элизабет успела поднять его раньше мужа. Размотала влажную тряпку, ранее бывшую чьим-то шарфом, и с трудом удержалась, чтобы не отбросить в сторону то, что скрывалось внутри. Это была рука. Мужская, правая, ровно отрубленная чем-то не-

вероятно острым чуть ниже локтя. Но самое жуткое, что и Элизабет, и ее муж узнали эту руку: по золотой печатке на безымянном пальце, по тонкому шраму на тыльной стороне ладони — доктор Грин лично накладывал шов два года назад...

Да, рука была знакомая, и, когда мистер и миссис Грин видели ее в прошлый раз, к руке, на тот момент живой и подвижной, прилагался не менее живой милорд Оливер Райхон — ректор Королевской академии магии, на территории которой располагалась лечебница.

— Эд, ее отрубили не у трупа, и не так давно... — Элизабет тяжело сглотнула и, заглушив эмоции, сконцентрировалась на окровавленной конечности. — Если мы погрузим ее в стазис, остановим процесс разложения. А когда найдем... все остальное... Ты же сможешь ее приживить?

— Зависит от того, в каком состоянии все остальное, — ответил целитель хмуро. Забрал у жены ректорскую руку, потрогал холодные пальцы, проверяя верность сделанных выводов. Кивнул, соглашаясь, но не успокоился: не тот случай, когда правильно поставленный диагноз становится основой решения проблемы. — Демоны! — процедил со злостью.

Девушка на кушетке дернулась и открыла глаза.

— Демоны, — прошептала она сипло. — Демоны...

ГЛАВА 1

За три с половиной месяца до вышеописанных событий

Оливер Райхон оглядел заваленный бумагами стол и до скрежета стиснул зубы. Люди, дотянувшие с утверждением документов до последней декады августа, смерти его хотят, не иначе. Похоронить под бланками министерской отчетности, сметами и учебными программами. Будто специально копили все это к сегодняшнему дню, чтобы сорвать собеседование.

Не дождутся!

Момент, когда любимая работа превратилась в рутину, он пропустил. Еще в первые годы ректорства все было не так. Были стремления, планы, были шесть учебных часов в неделю, от которых он не отказался, возглавив академию, хотя совмещать преподавательскую работу с руководством удавалось с трудом. Но он справлялся и радовался этому. А потом...

Но еще не поздно все исправить. Три года Оливер корпел над обновленной программой для курса «Темных материй» и, получив разрешение министерства на организацию экспериментальной учебной группы, решил, что займется этим лично. Хотя бы на первых порах, года два-три, а там можно будет передать студентов другому преподавателю и вернуться к кабинетной работе. Или вообще уволиться, уехать в провинцию, заняться исследованиями и писать время от времени статьи в научные журналы. Подобные мысли появились не так давно и посещали не слишком часто, но милорд Райхон с сожалением признавал, что это — возрастное. Потому и вцепился в этот спецкурс, чтобы доказать и себе и другим, что еще способен на подобные свершения. Сорок восемь лет — еще не старость, а тонкая прядь, вызывающе серебрившаяся в смоляных волосах, — не повод предаваться унынию.

Он торопливо просмотрел бумаги. Подписал без проверки счета (он, в конце концов, не бухгалтер), утвердил правила внутреннего распорядка и проживания в общежитиях (эти правила не менялись полвека, и перечитывать их нужды не было), не вникая, а лишь убедившись, что они согласованы с деканами и проректорами, подписал списки стипендиатов. Документы, требо-

вавшие изучения, убрал в ящик стола, а взамен достал стопку пока еще тоненьких личных дел.

В этом году на специальность «Темные материи», изучавшую проклятия и способы их нейтрализации, приняли пятьдесят шесть человек. Тридцать пять из них изъявили желание обучаться по экспериментальной программе под непосредственным руководством ректора. Из этих тридцати пяти предстояло отобрать пятнадцать человек, которые войдут в специальную группу.

Райхон поглядел на часы, прислушался к гулу в приемной, прорывавшемуся сквозь давно не обновлявшуюся звуковую защиту кабинета, и снял трубку телефонного аппарата.

— Впускайте по одному, — велел секретарю.

«Темные материи» — наука тонкая. Чтобы стать мастером проклятий, мало иметь определенные способности и желание их совершенствовать, нужны особые качества, которые Оливер и хотел увидеть в кандидатах. Во-первых, выдержку: тот, кому дана будет сила проклинателя, должен уметь контролировать опасный дар, склонный проявляться ненамеренно. Во-вторых, отходчивость и незлобивость, иначе новообретенные знания будут использоваться уже не случайно, а с умыслом, а проклятия, даже на первый взгляд несерьезные, неизбежно влекут за собой последствия. В-третьих, хоть это и не столь важно, хотелось набрать в группу людей легких и жизнерадостных. Стать замкнутыми молчунами они успеют, но, если будут такими на начальной стадии обучения, страшно представить, в кого превратятся с годами. Вот сам Оливер на первом курсе... да и на втором еще тоже...

Он улыбнулся воспоминаниям, и вошедшая в кабинет девушка, приняв улыбку на свой счет, опустила глаза и мило покраснела. Слишком мило.

«Не подходит», — тут же констатировал милорд Райхон. В миниатюрной шатенке просматривались старательно выпестованные черты прелестной дурочки. Чувствовался хороший магический потенциал, но девицы подобного типа и без магии добиваются желаемого. Пробилась ведь на собеседование первой? Похлопала кукольными глазенками, и ее без возражений пропустили. Дома небось вила веревки из родных, а в академии немного осмотрится и найдет пару-тройку благородных рыцарей, которые возьмутся делать за нее задания и прикрывать на практике. То есть и сама учиться не будет, и других станет отвлекать.

Для порядка поговорив с девушкой, Оливер пригласил следующего кандидата.

Решение относительно невысокого полноватого юноши с курчавыми черными волосами и пробивающимися над верхней губой усиками тоже принял мгновенно. Этот устраивал по всем

параметрам. Сила, способности к темным наукам, эмоциональная устойчивость...

Через час на столе лежали две стопки личных дел вместо одной. В левой — тех, кто будет изучать «Темные материи» с другим куратором. В правой — дела прошедших на спецкурс. Ровно пятнадцать, больше и не нужно. Но в приемной оставались еще трое соискателей, и невежливо было бы закрыть перед ними дверь. Да и кто знает, вдруг один из этой троицы окажется рожденным мастером проклятий, превосходящим по силе самого ректора?

Нервный худощавый блондин на это звание не тянул. Странно, как его, такого суетливого, вообще приняли на «Темные материи». Вошедшая следом девушка производила более сильное впечатление, в том числе и благодаря своей внешности.

— Мисс Мэйнард? — Имя Оливер прочел на одной из оставшихся папок. Второе принадлежало мужчине, и ошибиться было невозможно. — Присаживайтесь.

— Благодарю.

Благодарность прозвучала сухо и холодно, словно, явившись на собеседование, студентка делала ему, Оливеру, одолжение.

Интересная особа. Не оборотень, как подумалось сразу, а эльфы если и были в роду, то поколений десять назад, не меньше, и сейчас на родство с долгоживущими ничто не указывало: высокий рост и тонкая кость — еще не признак, так же как молочно-белые волосы, алебастровая кожа и едва розоватые губы. Просто альбинос. Тонкие брови и пушистые ресницы девушки тоже были белесыми, а чуть раскосые глаза — янтарно-желтыми. Собственно, глаза эти, на бледном непроницаемом лице смотревшие жутковато, и навели на мысли о зверином начале или скрытой сущности.

Вполне подходящая внешность для специалиста по проклятиям.

— Итак, Элеонор...

— Нелл, — перебила девушка. — Я не пользуюсь полным именем.

— Я пользуюсь полными именами, обращаясь к студентам, — не терпящим возражений тоном объявил милорд Райхон. — Так почему вы избрали «Темные материи», Элеонор?

— Я не избирала. Первичное тестирование выявило предрасположенность к темным искусствам.

— Могли бы пойти на некромантию.

— Мне не нравятся мертвецы.

Оливер отметил отсутствие даже намека на брезгливую гримасу, обычно появлявшуюся при таких словах у тех, кому мертвецы действительно не нравятся.

— На демонологию? — задал он новый вопрос.

Бесцветные ресницы дрогнули, но голос девушки оставался ровным:

— Мне не нравятся демоны.

— А проклятия вам, полагаю, нравятся?

— Проклятия — самая распространенная технология внешнего воздействия, как направленного, так и ненамеренного, возникающего под влиянием спонтанных всплесков силы. Поэтому важно понимать их природу и владеть средствами их нейтрализации, — отчеканила девица, своими словами пересказав начальный абзац введения к учебнику по «Темным материям» для первого курса. Им же, Оливером, когда-то составленного учебника.

— Сколько вам лет? — в лоб спросил Райхон.

— Двадцать два, — и желтым глазом не моргнув, ответила мисс Мэйнард.

— Поздновато для поступления в академию.

— Согласно уставу поздновато — это после двадцати восьми.

Не оскорбилась, не сконфузилась, не стала оправдываться тем, что пять лет после окончания младшей школы потратила на то, чтобы присматривать за больной бабушкой, или работала, копя деньги на обучение. Все то же граничащее с равнодушием спокойствие во взгляде и в голосе, и это всего за несколько минут разговора начало раздражать. Хотя бы каплю эмоций из этой девицы выжать.

— Что ж, Элеонор, желаю вам успехов в учебе. — Оливер изобразил благожелательную улыбку.

— Но не на вашем курсе?

— Увы. Вы мне не подходите.

Если бы она поинтересовалась, чем именно не подходит, он, возможно, изменил бы решение. На самом деле мисс Мэйнард ему подходила, и даже более чем, не кажись она бездушной ледышкой, замкнутой и безразличной к окружающим.

Нет ничего хуже равнодушия.

— Спасибо, что уделили мне время, милорд, — кивнула девушка, поднимаясь. — Всего доброго.

— Всего доброго.

И очень жаль.

Выйдя из главного корпуса, Нелл свернула на тенистую аллею, убедилась, что поблизости никого нет, и вынула из сумочки портсигар и длинный костяной мундштук. Прикурила от вспыхнувшего на кончике пальца огонька.

Жаль, что со спецкурсом не получилось. Ее устроило бы обучение в закрытой группе, где преподавание общих дисциплин сведено к минимуму, а занятия со студентами смежных факультетов не предусмотрены программой. Но к тому, что ее не примут, она тоже готовилась. Главное, на «Темные материи» взяли. Хорошая специальность, не то что...

Нелл глубоко затынулась, и некстати проснувшуюся память затынуло ментоловым дымом.

Докурив, достала из жестяной коробочки мятную пастилку, сунула ее в рот и пошла неспешным шагом к общежитию. Место ей определили еще в день поступления, но Нелл надеялась, что ее переселят, когда начнется учеба. Если неизбежно делить комнату с соседкой, пусть это будет кто-нибудь другой: Дарла за неделю успела утомить жизнерадостной болтовней.

— Ну что? — накинулась она на Нелл, стоило той переступить порог. — Как тебе наш ректор? Красавчик, да? Прости, что не дождала тебя...

Дарла тоже хотела попасть на спецкурс. В итоге стала первой, кого забраковали на отборе, и очень опечалилась по этому поводу: теперь вместо красавчика-ректора придется учиться у лысого крючконосого дядьки, который тестировал их при приеме в академию.

— Ты не ответила, как он тебе, — не унималась соседка. — Скажи же, хорош?

— Хорош, — согласилась Нелл, вспомнив изучавшие ее черные глаза, гладкий высокий лоб, прямой нос, красиво очерченный рот и чуть тяжеловатый подбородок милорда Райхона. Добавить широкие плечи, безукоризненный узел галстука и длинные, заплетенные в тугую косу черные волосы, в которых блестела начинавшаяся над лбом слева тонкая седая прядь, и хоть картину пиши. — Даже слишком хорош для ректора.

— Ой, что ты понимаешь! — махнула рукой Дарла. — Оливер Райхон — самый перспективный холостяк в академии!

По мнению Нелл, если мужчина почти в пятьдесят еще не женат, в плане романтических отношений и надежд на счастливую семейную жизнь он, скорее, самый бесперспективный вариант, но переубедить соседку она не стала. Взяла зонтик (кожа порой еще обгорала на солнце, а оно сегодня палило особенно сильно) и сбежала подальше от разговоров о давно неинтересных ей девичьих глупостях.

Можно было пойти в столовую, как раз наступило время обеда, но пока нет решения о выделении стипендии и постановке на довольствие, платить за еду приходилось из собственного кармана, а наличных осталось не так много, чтобы нельзя было потерпеть до ужина, а то и до завтрака. Экономия небольшая, но останется на сигареты.

Рассудив так, Нелл решила просто прогуляться. Благо было где. Оуэн говорил, что академия большая, а нужно было сказать, что это — целый город, причем немаленький. Преподаватели и сотрудники пользовались системой порталов, а студентам приходилось сбивать ноги, добираясь из общежитий до учебных корпусов, библиотеки или той же столовой. Зато в уединенных местечках недостатка не было.

Через час прогулки Нелл набрела на зеленый скверик, спряталась в тень раскидистого клена, сложила зонтик и достала портсигар. Вредная привычка и обходится недешево, но бросить курить в планах пока не значилось. Возможно, потом, когда жизнь как-нибудь устроится и в ней появятся другие радости, помимо глотка табачного дыма.

«Знала бы мама», — подумалось вдруг, и Нелл с силой закусила мундштук. Конечно, маме не понравилось бы, но стоит ли думать об этом?

Из-за высоких, высаженных плотной стеной кустов послышался шум. Потянуло чем-то знакомым. Неприятно знакомым. Нелл вытряхнула из мундштука недокуренную сигарету, растерла ее носком туфли по траве, перехватила зонтик на манер боевой палицы и двинулась вдоль живой изгороди. Проход отыскался через десяток шагов. Оказалось, кустарник огораживал полянку, в центре которой стоял большой камень, то ли имитировавший древний жертвенник, то ли действительно бывший им когда-то. Что до жертвы, она и сейчас имелась: на камне, подобрив под себя ноги, сидел курчавый брюнет, чью круглую физиономию и нелепые юношеские усики Нелл видела сегодня в ректорской приемной, а вокруг камня носились серые тени. Если смотреть на них вприщур, можно разглядеть оскаленные пасти и тускло светящиеся глаза.

Похоже, кто-то из старшекурсников хотел подшутить над первогодком, вызвав призрачных псов, а тот вряд ли знал, как прогнать этих собачек.

— Они чувствуют страх, — сказала Нелл, выходя из-за кустов. — Он манит их, как запах мяса обычных собак.

Сама она не боялась, и фобосы ею не заинтересовались. Позволили приблизиться.

— Сложность в том, что они сами этот страх провоцируют. Точнее, излучают. Если вовремя не закрыться, потом тяжело от него избавиться.

«Поэтому нет ничего постыдного в том, что ты, почти взрослый мужчина, трусливо дрожишь, забравшись на каменюку, в то время как тебя в обход канонов спасает женщина», — так стоило закончить импровизированную лекцию, но Нелл решила, что мальчишка, которого зачислили на спецкурс, должен быть достаточно умен, чтобы самостоятельно это додумать.

Она потеряла ладонь о ладонь и растянула между пальцами защитную паутинку. Намотала на запястье и, быстро окунув руку в кружащийся у камня серый вихрь, выдернула из него дымчатую ленту.

— Не делайте этого, — раздался за спиной приглушенный голос.

Видно, создатель собачек объявился.

Нелл не обернулась, успеется. Разберется со сворой, а потом найдет чем шутника приласкать.

— Мисс...

Опасаясь, что хозяин псов попробует ей помешать, Нелл сработала поспешно и грубо. Скрутила призрачную ленту, ослабила связь фантомов с реальностью и, не мудрствуя, разорвала. Грозные тени истаяли в секунду, а в ладонях остался пепел распавшегося заклинания — хватит швырнуть в шутника, пусть оценит последствия розыгрыша.

Но попрактиковаться в прицельном метании магических ходов не пришлось. Начав со стремительного разворота, Нелл закончила движение плавным, почти танцевальным па, стряхнула обрывки чар и отерла ладони о платье. Подняла с травы зонтик и раскрыла его над головой, дабы спрятаться хотя бы от солнца, если не удастся скрыться от следящего за ее действиями мужчины.

— Я ведь просил не делать этого, — с укором выговорил неведомо откуда появившийся здесь милорд Райхон. — Теперь невозможно определить, кто создал фобосов. Благодаря вам виновник избежит наказания.

— Простите, милорд.

Судя по тому, как пристально он на нее глядел, шутник, выпустивший фантомных псов, интересовал ректора не так сильно, как стоявшая перед ним студентка. Нелл мысленно отругала себя: нужно было пройти мимо. Ничего с мальчишкой не сделалось бы, а она не попала бы так глупо.

— Где вы научились обращаться с фобосами? — ожидаемо любопытствовал ректор.

— Знакомый маг использовал их для охраны дома, — ответила она, усилием воли удерживая взгляд на лице собеседника. — Показал, как их развеять в случае необходимости.

Поверил? Сложно сказать: милорд Райхон относился к той нелюбимой Нелл категории людей, по внешнему виду которых тяжело определить, о чем они думают, а о чем и не задумываются.

— Вы в порядке, мистер Бертон? — переключился ректор на слезшего с камня студента, и Нелл понадеялась, что о ней забудут. Но не тут-то было. Выяснив, что юноша оправился от встречи с нагоняющими страх фантомами, милорд Райхон обернулся к ней. — Можно задать вам вопрос, мисс Мэйнард?

Получив согласие, жестом предложил отойти подальше от злополучного мистера Бертона.

— В вашем личном деле есть особая отметка, — начал негромко, хоть Нелл и не делала тайны из того, о чем он хотел поговорить. — Вы указали при поступлении, что обладаете неконтролируемой способностью к трансляции эмоций. В чем это проявляется?

— В неконтролируемой трансляции эмоций.

Можно было умолчать об этом, испытания не выявляют подобных «талантов», но Нелл не хотела неприятностей в случае спонтанного проявления. Мало ли какие эмоции и кому она передаст? С отметкой в личном деле и отрицательным результатом теста на наличие телепатического дара в злонамеренности ее не обвинят.

— Какова сила и диапазон воздействия? — уточнил ректор.

— Неконтролируемая трансляция, — повторила Нелл. — Невозможно определить, когда это произойдет и произойдет ли вообще.

— Замеры не производились, — понял милорд Райхон. — Но можно было определить степень поражения попавших под воздействие.

— Никто не обращался с жалобами к специалистам.

Выслушав ответ, к слову, совершенно правдивый, глава академии задумчиво сморщил лоб.

— Я правильно понимаю, что речь идет о ваших собственных эмоциях? Вы транслируете чувства, которые сами испытываете на тот момент?

— Да.

— И может случиться, что, если на практике вас что-нибудь испугает, мне придется отпаивать пустырником всю группу?

— Меня не так просто испугать, милорд, — без хвастовства сказала Нелл и, лишь закрыв рот, поняла, о чем говорил ректор.

— Я назначил организационный сбор на завтра, — кивнул он, подтверждая, что она не ослышалась. — Подробности узнаете у мистера Бертона.

Объяснять, отчего изменил решение, ректор не стал. Попрощался и, отступив на два шага, исчез.

— Скоростная телепортация, — гнусаво протянул топчущийся в сторонке мистер Бертон. — На амулетах, наверное.

Нелл могла поручиться, что амулетами Оливер Райхон не пользовался, но предпочла промолчать.

— Я должен поблагодарить вас за помощь, мисс...

— Нелл, — представилась она коротко. — Не стоит благодарности.

— Да? Тогда я — Реймонд. Рей... — Студент шмыгнул сопловым носом. — Прости... те... ти?..

— Ти. — Она не сдержала улыбки. — Аллергия?

— Да. Пройдет... однажды... Расскажешь об этих псах?

— После того как расскажешь мне о завтрашнем сборе.

Нелл не планировала заводить друзей из числа соучеников. И вообще друзей. Но она и так слишком выделялась среди студентов, не хотелось привлекать к себе лишнее внимание еще и замкнутостью, поэтому она решила сделать вид, будто дружит с

Реем. И с Дарлой. Во всяком случае, пока одну из них не переселят в другую комнату.

— Ты знала, что в последнюю пятницу сентября в академии каждый год устраивают Осенний бал? — затараторила соседка, судя по покрасневшемуся личику, едва дождавшаяся ее возвращения, чтобы поделиться этим важнейшим известием. — Нам нужно подумать о нарядах! Осталось меньше месяца... Ну что ты снова молчишь?

— Меня приняли на спецкурс, — сообщила Нелл новоявленной подруге. — Думаю, будет не до балов.

ГЛАВА 2

К концу второй учебной недели, оглянувшись назад, Нелл наконец-то осознала, что все у нее получилось. Если не обращать внимания на ее внешность (а окружающие тактично старались этого не делать), она была самой обычной студенткой. Сироткой-стипендиаткой из глухой провинции: таких тут больше половины, и никто не удивится тому, что ей некому слать писем и некуда уехать на каникулы.

Даже так называемые друзья вписались в ее новую жизнь как нельзя лучше. Болтовня Дарлы не мешала читать учебники и отвлекала от появлявшихся порой грустных мыслей, а Реймонд оказался неглупым и начитанным парнем, с которым можно сходить в библиотеку или, чтобы сэкономить время, разделить письменные задания, хотя милорд Райхон, безусловно, такого подхода к вопросу самостоятельной подготовки не оценил бы.

Отношения с самим куратором тоже складывались наилучшим образом. Их просто не было. Милорд Райхон, казалось, напрочь забыл историю с фобосами, не интересовался особыми «талантами» Нелл и никак не выделял ее среди других студентов. Она же, как могла, способствовала этому, не демонстрируя больше лишних для первокурсницы знаний или умений.

Все складывалось хорошо, и Нелл почти поверила, что так будет и дальше.

К концу второй учебной недели Оливер понял, что идея курировать спецкурс — худшая из приходивших ему в голову. Не в возрасте дело. И в тридцать лет мало кто потянул бы такую нагрузку — скорее уж совсем не потянул бы: у него-то в его годы хоть опыт был. И если бы к этому опыту еще пару лишних часов в сутках и толкового секретаря, то и проблем не было бы.

С секретарями милорду Райхону не везло. Единственный, с кем он мог нормально работать, уволился пять лет назад, и с тех пор в делах началась неразбериха: то уже подписанные ведомо-

сти потеряются, то протокол ученого совета двухлетней давности найдется в стопке бухгалтерских счетов. Нет, не секретари такие бестолковые — сам в спешке не туда бумажку сунет и забудет. Но можно же проверить, прежде чем сдавать папки в архив?

Или вот переделал в последний момент списки студентов экспериментального курса, а теперь выяснилось, что не у всех в наличии медицинское разрешение на практику. А вдруг министерская проверка: как тут, милорд, ваша специальная программа? И окажется, что у него по специальной программе занимается девица с каким-нибудь пороком сердца, которую к практическому изучению «Темных материй» и подпускать нельзя.

Оливер снял трубку и набрал прямой номер заведующего лечебницей.

— Грин. Слушаю, — отрывисто ответил хриплый голос.

— Оливер Райхон. Здравствуйте, Эдвард.

— А. Угу.

Целитель явно не расположен был к общению, но Оливер все же попытался придать разговору подобие дружеской беседы:

— Давненько не виделись. Как поживаете? Как супруга?

Сын?

— Прекрасно я поживаю. Супруга хорошеет, сын растет.

— А...

— Слушайте, Оливер, — выпалил Грин раздраженно. — Хотите поболтать по-приятельски, приходите на ужин. Выпьем по бокальчику бренди, обсудим последние новости. А сейчас выкладывайте, что вам нужно, и побыстрее. У меня назначена операция, а до этого хотелось бы успеть пообедать.

— Одна из моих студенток не прошла осмотр при зачислении, а списки уже закрыты, — коротко обрисовал суть вопроса ректор.

— Угу. Закрыты, конечно... Не делайте проблем из пустяка. К октябрю всегда набирается несколько десятков забытых и опоздавших. Включите вашу студентку в дополнительный список, получит все справки в следующем месяце.

— Вы не поняли, Эдвард, речь о *моей* студентке, — терпеливо разъяснил Оливер. — С моего спецкурса. Помните, я говорил, что буду лично курировать группу?

— Угу. И лично забыли дать девице направление, — понял доктор. — Ладно, впишу ее куда-нибудь. Но вы меня знаете, разрешение на занятия темной магией без осмотра не дам.

— Об этом вас и не просят. Когда ей можно прийти?

— Завтра, к восьми. У меня будет время до обхода. Погодите, запишу имя. В начале учебного года от студентов отбоя нет, еще приму не ту девицу.

— Записывайте: мисс Элеонор Мэйнард. Ее сложно с кем-нибудь перепутать, девушка — альбинос.

— Альбинос? — переспросил Грин. На несколько секунд на том конце провода повисла задумчивая пауза. — Могут быть... э-э-э... сложности.

— Какие?

— Нужно смотреть, — уклончиво ответил доктор. — Различают несколько типов альбинизма, но практически всегда это связано с нарушениями зрения, повышенной чувствительностью к солнечному свету и некоторым видам заклинаний... Конкретнее скажу после осмотра. Но на всякий случай подумайте, как объяснить девушке, насколько интереснее ей будет учиться на теормаге, чем у вас.

Нелл совершенно забыла, что для выбранной специальности разрешение от целителей обязательно. Было бы неплохо, если бы и милорд Райхон не вспомнил.

— Не бойся, это не страшно, — успокаивала с вечера Дарла. — Ходила я на этот осмотр. Сидит молоденький доктор, даже практикант, наверное. Краснеет так забавно, когда сердце через трубку слушает... А по женской части у них там очень колоритная дама. Леди. Говорят, настоящая. Но если ты еще девица, можно ей просто об этом сказать, она и смотреть не будет. Только расскажет всякое и брошюрку даст про то, что нужно избегать случайных связей, и как быть, если не избежала...

Судя по тому, как Дарла хихикала, вспоминая о брошюрке, она-то была как раз девицей и визит к «леди» для нее ограничился профилактической беседой. А вот Нелл не отказалась бы от осмотра. То, что ее тревожило, было не «по женской части», но она утешила себя тем, что краснеющий практикант не заметит лишнего.

К сожалению, доктор Грин, к которому направил ее милорд Райхон, практикантом не был, но о том, что разрешение на обучение темным искусствам ей предстоит получать у главного целителя, Нелл узнала уже в лечебнице.

— Повернете направо, пройдете по коридору, увидите дверь с табличкой, — охотно подсказала дорогу дежурная сестра.

Таблички на двери кабинета заведующего было две. На первой — имя доктора, на второй предупреждение: «Перед осмотром избавьтесь от иллюзий». Иллюзий относительно своей судьбы Нелл давно уже не питала.

«Будь что будет», — решила она и распахнула дверь.

А следовало сначала постучать.

— Простите. — Нелл выскочила обратно в коридор, давая доктору Грину время снять со своих колен смазливую девицу в белом чепце и оттереть губы от помады, если означенная девица ею пользуется.

Подумала, что человек, заведший шашни на рабочем месте с собственной подчиненной, и во всем остальном не слишком щепетилен.

Спустя минуту из кабинета вышла красотка в чепце. Потянулась, огладила ладонями затянутую в корсет талию и победно улыbnулась.

— Прибавку к жалованью получила, — подмигнув, сообщила она. — Но пришлось постараться. А у тебя что?

— Допуск к занятиям взять, — растерянно призналась Нелл.

— Ну... — Девушка поджала губки, оценивающе разглядывая ее вприщур. Затем беспардонно обхватила ладонями лицо, повертела так и этак и прищелкнула языком. — Может, и подпишет.

Когда она ушла, Нелл предприняла вторую попытку попасть на прием.

— Мисс Мэйнард, полагаю? — Сидевший за столом худощавый мужчина лет сорока пяти жестом пригласил войти и кивнул на стул для посетителей. — Прошу. Я ожидал вас позже.

Нелл проследила за его взглядом, брошенным на настенные часы, показывавшие без четверти восемь, и едва уловимо пожалала плечами. Ну пришла пораньше — и что? Помешала? Так это, извините, лечебница, а не дом свиданий.

— Не хочется, чтобы у вас сложилось обо мне неверное впечатление, мисс...

Невзирая на случайно подсмотренную сцену, впечатление он производил приятное. Внешность не сказать чтобы привлекательная, но располагающая: аккуратно выбритый подбородок, тонкий нос с горбинкой, внимательные серые глаза. Лицо его сейчас было серьезно, но чуть приподнятые уголки губ и мелкие лучики морщинок, тянущиеся от внешних уголков глаз к вискам, говорили, что в повседневной жизни улыбается доктор нередко.

Нелл снова пожалала плечами, теперь заметно, показывая, что не намерена составлять о нем никаких суждений: у каждого свои секреты, и чужими она не интересуется.

Целитель понимающе усмехнулся и без пояснений развернул к ней фотографию в деревянной рамке. Снимок стоял на дальнем от Нелл углу стола, но она тем не менее хорошо рассмотрела и самого доктора, запечатленного на фото в выходном смокинге, и сидевшую в кресле перед ним женщину с мальчиком двух-трех лет на руках. Женщину Нелл узнала, хотя на фотографии та смотрелась степенной дамой, а не молоденькой вертихвосткой, между делом крутящей роман с начальником.

— У вас красивая жена, — сдержанно заметила Нелл. — И чувство юмора у нее... своеобразное.

— Что она вам сказала?

— Сказала... — Нелл вспомнила взгляд целительницы, смешливый, но цепкий. — Что вы подпишете мне разрешение на практику.

— Возможно. — Доктор вынул из папки чистый лист бумаги и снял колпачок с ручки. — Начнем? Поскольку бланк направления вам не выдали, придется заполнять все с нуля...

Писал он быстро: видимо, привык вести прием без ассистентов.

Имя. Дата рождения.

Примерный рост и вес определил на глаз, к удивлению Нелл, достаточно точно.

Поинтересовался, есть ли у нее жалобы на здоровье. Услышав, что нет, тут же бегло нацарапал аж три строчки... Знать бы о чем...

— Как давно вы выглядите подобным образом? — спросил, не отрывая глаз от записей.

— Сколько себя помню.

— И что говорят об этом ваши родители?

— Ничего. Я сирота, выросла в приюте.

— Я тоже, — не выказывая ложного сочувствия, отозвался целитель. — В каком возрасте проявился дар?

Стандартные вопросы, стандартный осмотр.

Заключение доктор обещал к концу дня, когда будет готов анализ крови, но предварительно сказал, что видимых причин отказывать Нелл в допуске нет.

Эдвард Грин хорошо знал свою жену и уже начал беспокоиться: мисс Мэйнард десять минут как ушла, а Бет до сих пор не появилась. Наконец дверь приоткрылась, и супруга любопытной мышкой прошмыгнула в кабинет.

— Это была она, да? Студентка Оливера?

— Угу. — Заведующий лечебницей откинулся на спинку кресла и смерил присевшую с другой стороны стола жену строгим взглядом. — Что ты ей сказала?

— Правду и только правду. Похвасталась, что ты мне жалованье поднял. А что?

— Во-первых, я ничего тебе не поднимал, а поменял оклад практиканта на оклад штатного целителя. Во-вторых, это было еще позавчера.

— Всего лишь позавчера, я до сих пор не нарадуюсь.

— Бет, — Эдвард укоризненно покачал головой, — иногда мне кажется, что у меня не один ребенок, а два.

— Да ладно тебе, — лукаво усмехнулась она, накручивая на палец выбившийся из-под чепца светло-русый локон. — Папочка.

Томно потянулась и так посмотрела при этом, что захотелось тут же перегнуть ее через стол, задрать юбку... и выпороть, чтобы впредь прилично вела себя на работе. Если доктор Грин этого не сделал, то лишь потому, что знал, что детей бить непедагогично, а жену, его жену, еще и чревато: может сдачи дать.

Впрочем, миссис Грин никогда не перегибала палку. Имелся у нее среди прочих такой талант.

— Что с девушкой? — спросила она, отбросив дурашливость.

— Ты скажи, — предложил ей муж.

— Оливер ошибся, она не альбинос. Либо какая-то редкая и явно спровоцированная внешними факторами форма. Полное отсутствие пигмента кожи и волос, при этом пигментация глаз нарушена лишь частично. Радужка желтая, по внешнему краю темная. Зрачок без патологий. Признаков астигматизма или нистагма нет. Чувствительность к свету в пределах нормы: я развернула ее к окну — даже не моргнула... Зрение?

— Отличное, — кивнул Эдвард.

— Дашь ей допуск?

— Да. Чувствительность кожи повышена, но реакция в допустимых пределах. В остальном — абсолютно здоровая девушка. Хотя случай интересный. Сама она говорит, что выглядела так всегда, но... есть у меня сомнения на этот счет.

— Скажешь Оливеру?

— Уже. — Целитель кивнул на телефон. — Его интересует только, можно ли ей практиковать темные материи. Милорд Райхон традиционно не любопытен.

— А мы? — прищурилась Бет.

— Мы? — Мистер Грин сделал вид, что задумался. — Мы отличаемся в этом от милорда Райхона. В лучшую сторону.

— Бесспорно, — подтвердила миссис Грин. Глаза ее азартно блеснули. — Ты взял у нее кровь?

— Конечно.

— Неплохо было бы сделать биопсию кожи.

— Прости, — Эдвард шутливо развел руками, — не нашел повода отщипнуть от нее кусочек.

— Волосы?

— Не подумал, — вздохнул он с сожалением.

— Я подумала, — с превосходством улыбнулась Бет и вынула из кармана передника завернутые в платок бесцветные волосы. — Выдернула незаметно. Направленная точечная анестезия, мисс Мэйнард даже не охнула.

— Хвастунишка, — пожурил доктор.

На самом деле любой целитель гордился бы подобным умением, но тут главное не перехвалить, чтобы супруга не расслабилась и не потеряла интереса к совершенствованию навыков.

— Предлагаю разделить опытный материал, — сказал он. — Ты проводишь свои тесты, я — свои. Потом сравним результаты.

Нет, он ни в чем не подозревал мисс Мэйнард и допускал, что та действительно не знает, чему обязана столь примечательной внешностью. Просто любопытная загадка то ли природы, то ли каких-то внешних сил. Разминка для мозгов, которая и его развлечет, и Бет пойдет на пользу.

Смутное беспокойство не оставляло Нелл до следующего утра. Вечно витающая в облаках Дарла и та заметила, что она чем-то взволнована. Но выводы сделала странные.

— Реймонд пригласил тебя на бал?

— Что? — Логика соседки удивила, ведь ни о Рее, ни о бале Нелл и словом не обмолвилась.

— Не приглашал? — озадачилась в свою очередь Дарла. — Стесняется, наверное. Но время еще есть.

Объяснять, что они с Реем просто друзья, было бесполезно: Дарла любые отношения с представителями противоположного пола рассматривала исключительно через призму романтики, и в ее представлении юноша, с которым Нелл проводила немало времени, мог быть только пылким поклонником.

— А платью ты нашла?

Говорить, что не нашла, потому что не искала, и вообще на бал не собирается, Нелл тоже не стала, иначе рисковала нарваться на длинную лекцию о важности подобных мероприятий в жизни любой девушки. Такие лекции Дарла читала часто и с упоением, и то, что соседка много старше, ее не останавливало: тот факт, что Нелл в свои годы еще не замужем, не помолвлена и не обросла толпой обожателей, для Дарлы являлся свидетельством полной некомпетентности в вопросах взаимоотношений с мужчинами, выбора наряда и организации досуга.

— Меня познакомили с одной девушкой с третьего этажа, она занимается шитьем. Берет заказы у студенток из первого общежития. Ну ты знаешь, кто там живет — все эти графские дочки и племянницы банкиров... Так вот, Китти шьет им платья как в модных каталогах, но выходит дешевле. Эти фишочки тоже не прочь сэкономить. А Китти оставляет себе обрезки ткани, или они сами отдают ей что-то ненужное из своего гардероба. Она перешивает и продает местным девочкам недорого... Или дает поносить на время... Слышишь? Не пойдем же мы на бал в форменных платьях? У меня отложено немного денег, и у тебя в жестянке я видела... Зайдем к ней вечером? К Китти? Присмотрим себе что-нибудь.

В другое время Нелл обратила бы внимание на упоминание жестянки и отчитала соседку за то, что рылась в ее вещах, но сегодня мысли занимало другое, и она лишь рассеянно кивнула в ответ на предложение.

Это была ее первая ошибка.

Вторую Нелл допустила на занятиях. Не смогла пропустить мимо ушей перевранное объяснение аспиранта, сегодня подменявшего преподавателя по теории потоков. Слишком сложно это оказалось, ведь лектор в подтверждение своих слов еще и ужасающую схему на доске вычертил.

— Чушь какая, — пробормотала Нелл, окинув взглядом эти художества.

— О чем это вы, мисс? — строго спросил расслышавший ее слова аспирант.

— О вашей схеме, — ответила она мрачно. — Потоки не могут преломляться подобным образом. А использовать зеркало для построения спирали Штольма — это...

Нелл запнулась, но было уже поздно.

— Бесплезная трата времени и сил, — закончил за нее Оливер Райхон, как и в случае с фобосами появившийся в аудитории неожиданно и некстати.

— Милорд, я... — Горе-наставник попытался незаметно стереть с доски лишний вектор и нарисованную не в том месте дугу, но был остановлен суровым взглядом ректора.

— Мисс Мэйнард, может быть, покажете всем, включая мистера Элиота, — глава академии покосился на сникшего аспиранта, — как должна выглядеть спираль Штольма, и скажете, что происходит в данном случае для искажения потоков?

Нелл поднялась из-за стола, но к доске не пошла.

— Простите, милорд. Я читала, что спираль создается посредством изменения магнитной проницаемости среды. Зеркало здесь лишнее. Собственно, только это я и заметила и правильную схему начертить не смогу.

— Я могу! — предпринял попытку реабилитироваться незадачливый мистер Элиот.

— Подойдете с этим к своему научному руководителю, — не повысив голоса, велел ректор. — Я попрошу его обратить внимание на данный вопрос. Мисс Мэйнард, уделите мне несколько минут?

В коридоре он остановился у окна, за которым светило яркое и теплое сентябрьское солнце, а листья на деревьях только-только начинали желтеть. Нелл представила, с какой радостью распахнула бы это окно и прыгнула вниз... Первый этаж — не страшно...

— Простите, что организовал беседу подобным образом и в подобной обстановке, — начал с извинений ректор. — Доктор Грин подписал вам разрешение на практику. Однако поговорить я планировал о другом, Элеонор. За две недели я имел возможность оценить уровень знаний студентов вашей группы и могу сказать, что на данный момент вы показываете наилучшую теоретическую и в чем-то практическую подготовку.

— У меня было время для самостоятельных занятий, милорд.

— Я догадался. К тому же вы значительно старше своих соучеников, что в данном случае тоже неплохо. Изначально я хотел видеть кого-то из... э-э-э... мужчин на этом месте...

Заминка во фразе ректора была понятна: семнадцати-восемнадцатилетние мальчишки из их группы на гордое звание мужчин пока не тянули. Все остальное нуждалось в объяснениях, и милорд Райхон их тут же дал:

— Я решил назначить вас старостой группы, мисс Мэйнард. Если вы не возражаете, конечно.

— Разве это не выборная должность?

— Начиная со второго курса — да. На первом, пока студенты еще плохо знакомы друг с другом и не могут сделать объективный выбор, старосту назначает куратор. Так что скажете?

Бедная стипендиатка, желающая и дальше оставаться на хорошем счету у куратора, ни за что не отказалась бы от подобной возможности.

— Я согласна, милорд.

Наверное, это была ее третья ошибка сегодня, но Нелл дала себе слово больше не вести им учет. Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает, а она уже сделала больше, чем планировала когда-то.

Перед началом своей лекции милорд Райхон представил ее группе в новом качестве, и никто из одиннадцати парней и четырех девушек не выказал недовольства таким назначением. А после занятий Нелл сама предложила Реймонду пойти с ней на Осенний бал.

Дарла все равно не отстанет, а старосте не годится пропускать официальные мероприятия, пусть и развлекательные, и лучше пойти с Реем, чем одной. Одинокие девушки всегда привлекают ненужное внимание, а она и без того привлекла его с избытком...

ГЛАВА 3

Обязанности старосты на первом курсе несложны и с лихвойкупаются полагающимися по новому статусу приятностями: повышенная стипендия, ненамного, но на сигареты хватит, возможность время от времени пропускать лекции по неспециальным дисциплинам и, на выбор, отдельная комната в общежитии или дополнительные талоны на питание.

Нелл собиралась взять комнату. Даже сходилась с подписанным ректором предписанием к комендантше и получила ключи от трех каморок на первом этаже.

— Какая приглянется, в той и оставайся, — равнодушно махнула рукой пожилая женщина, на морщинистом лице которой лежала печать усталости от всего на свете — от студенток-жилищек и их забот, от проверок руководства и от самой жизни, казалось. — Вымоешь там все и постель свою принесешь. Если помощь нужна, подвигать что, можешь знакомых парней позвать, только чтобы до полуночи ушли, а то знаю я...

Комнатушки были совершенно одинаковые — узкие кельи с одним окном, и обстановкой друг от друга не отличались: кровать, письменный стол, пара книжных полок, шкаф и умываль-

ник. Большого, пожалуй, и не нужно. Главное, что окно открывается, и не надо будет, кутаясь в покрывало, бегать ночью в уборную, если вдруг не спится и до нервной дрожи хочется курить.

Нелл представила, как расставит на полках книги, а на подоконнике пристроит спиртовку. Вечерами будет заваривать крепкий чай и читать в тишине...

Отчего-то это уже не казалось таким привлекательным, как еще неделю назад, и, покопавшись в мыслях, Нелл с удивлением поняла, что успела отвыкнуть от тишины и даже начала ее побаиваться. А Дарла за это время привыкла к спиртовке, на которой не только кипятила воду, но и наловчилась разогревать щипцы для завивки. И если Нелл к тишине опять притерпится, то Дарле вряд ли повезет найти новую соседку со спиртовкой.

— Возьму дополнительные талоны, — сообщила ей Нелл, вернувшись в их общую комнату. — Их дают сразу на месяц, и, если использовать все сразу, можно закатить настоящий банкет. Или сладостей набрать.

Дарла, хранившая скорбное молчание с того момента, как соседка сообщила ей о своем назначении и связанных с этим переменах, радостно завизжала, и, визжи она чуть дольше, Нелл, наверное, пожалела бы о своем решении. Но, на счастье обеих, бурное проявление радости не затянулось: Дарла вспомнила о предстоящем бале и потащила Нелл на третий этаж, к доброй, хоть и не бескорыстной швее Китти.

Платьев та предлагала немного, а часть сразу же обозначила как «только если совсем купите». «Совсем покупать» девушки ничего не планировали, и пришлось выбирать из того, что осталось.

Миниатюрной Дарле было проще. Китти обещала за небольшую доплату ушить на нее любое платье, и соседка остановилась на скромном голубом наряде под цвет глаз. У Нелл же, в которой роста было без малого шесть футов, выбора почти не осталось: либо ярко-алое платье, отданное какой-то клиенткой как испорченное (несводимые пятна на подоле Китти замаскировала нашитыми сверху розанами), либо блеклое палевое, с неглубоким квадратным вырезом и прямой юбкой. Последнее подходило скорее для посещения лекций, чем для бала, но Нелл взяла именно его.

— Тоже под цвет глаз, — прокомментировала она свой выбор.

Неприметное платье, неприметный, если не расчихается на весь зал, кавалер — все это ее вполне устраивало.

Если в доме живет кошка, то можете не сомневаться, она твердо уверена, что это — ее дом и все здесь, включая тех, кто по наивности мнит себя хозяевами жилища, принадлежит ей.

Примерно так же рассуждает и ребенок трех с половиной лет.

Нет, он, конечно, помнит, что тут — спальня родителей, тут — кухня со страшной горячей плитой, а здесь — лаборатория, в которую нельзя заходить под страхом лишиться обеих рук и сладкого на неделю, но если и соблюдает эти правила, то лишь потому, что ему не особо и интересно, что происходит в запретных комнатах. Однако когда ему что-то там понадобится, например, мать, уже час не появлявшаяся в поле зрения, ничто его не остановит.

— Ма-ам...

— Стоять! — Миссис Грин набросила ловчую сеть на проשמгнувшую в лабораторию кошку, без церемоний выставила наглуемую серую зверюгу за дверь и присела на корточки перед сыном, которого тоже следовало выпроводить, но более мягкими методами. — Что случилось, милый? Почему не играешь с папой?

— Папа спит, — наябедничал Грэм. — Прямо на рельсах! Я гудел ему, гудел...

— На рельсах? — со вздохом уточнила Элизабет. — Ясно.

Подхватила сына на руки и вынесла в коридор.

— Как же поезд проедет, если он там лежит? — продолжал возмущаться мальчик.

— Никак, — согласилась Элизабет.

Говорила же мужу: отдохни. Грэм поиграл бы с Нэнси, няня никогда не отказывалась задержаться у них на пару лишних часов. Но Эда разве переспоришь? Он, видите ли, совсем не устал, только кофе выпьет и будет как новенький...

— У папы был сложный день, — объяснила она сердито сопящему сыну. — Пришлось много работать. Хорошо работать. Потому что, если бы папа не справился, работы прибавилось бы у мамы.

У двери в детскую Элизабет поставила ребенка на пол и заглянула в комнату. Грэм значительно преувеличил масштабы железнодорожной катастрофы: глава семейства спал не на рельсах, а рядом, положив под голову большого плюшевого медведя. Движению поезда мешала только рука, и мальчик легко отодвинул бы ее в сторону, но желание привлечь внимание матери оказалось сильнее.

— Эд, — опустившись на колени, потормошила мужа Элизабет, — Эд, пойдем в спальню.

— Мне и тут хорошо, — не открывая глаз, заявил мистер Грин.

— Ты перегородил железную дорогу.

— Это шлагбаум, — пробормотал целитель сонно. — Я играю с сыном, женщина. Не вмешивайся в наши мужские дела.

— Стукну, — пообещала Элизабет.

— Злюка, — усмехнулся муж. Поймал за руки и потянул на себя, прижал к груди. — Мм... Чем от тебя так вкусно пахнет?

— Формалином, — хмуро ответила Элизабет, высвобождаясь из объятий. — Ты же говорил, что это была несложная операция!

Когда они только познакомились, она долго не могла понять, почему после использования целительской магии высших уровней доктор Грин неизменно требовал крепкий и очень сладкий кофе. Связывала это с потребностью компенсировать растраченную энергию. Но, оказалось, имелась и другая причина: после интенсивной отдачи сил Эд на какое-то время переставал нормально воспринимать вкус и запахи.

— Не слишком сложная, — отозвался он беспечно. — А что у тебя? Все еще колдуешь над образцами мисс Мэйнард?

Попытка супруга уйти от щекотливой темы была засчитана Элизабет как успешная. В конце концов, перевоспитывать его уже поздно.

— Нет. — Она разочарованно поморщилась. — Кленси подкинул работу. А с мисс Мэйнард я застряла.

— На чем?

— Я думаю... нет, я уверена, что отсутствие пигмента в коже и волосах — следствие поражающего действия какого-то заклинания. Магическое излучение не ниже шестого уровня. Но это все, что удалось выяснить за прошедшую неделю. Понятия не имею, что это за чары и как давно девушка им подверглась.

— Я застопорился на том же этапе, — признался Эд. — Никогда не слышал о заклинаниях, дающих подобный эффект. В справочниках тоже ничего. А не зная сути чар, степень и давность их применения не определишь. Мисс Мэйнард могла попасть под них месяц назад или еще в утробе матери... Но, насколько можно судить, кроме как на внешности, это никак на ней не отразилось. Хотя для полной уверенности я бы провел еще ряд тестов...

— Мы будем пускать поезд или нет?! — грозно уперев руки в бока, спросил у родителей Грэм.

— Будем, — успокоил наследника мистер Грин, с сожалением поднимаясь с ковра и усаживая под стену помятого медведя. — Сейчас будем. А маму отпустим заканчивать дела, да?

— Нет уж, — замотала головой Элизабет, — дела подождут. Останусь с вами. Буду контролировать исправную работу шлагбаумов.

Вошедшая в детскую кошка равнодушно оглядела рассеявшееся вокруг игрушечной железной дороги семейство и бесшумно запрыгнула на кровать. Свернулась клубком и закрыла глаза. Треск заводного поезда и голоса ей не мешали, даже наоборот: люди заняты, а значит, никто не вспомнит о ней и не сгонит с мягких подушек...

Дарла так и не определилась, кому из поклонников оказать честь сопровождать ее на балу, и, чтобы никого не обидеть, решила, что пойдет с Нелл и Реймондом. А уже на празднике ей, быть

может, повезет встретить своего единственного. Хотя о единственном Дарла обмолвилась полушутя и на самом деле познакомиться мечтала не с очередным восторженным юношей, а с эльфом.

Эльфы в академии были, одного она даже видела как-то издали, но хотела поближе рассмотреть, поговорить и потрогать, если получится.

— Трогать-то зачем? — удивилась Нелл.

— Чтобы знать, — последовал ответ. — Может, они и на ощупь другие?

Станный интерес. Но хоть не романтический. Длинноухие беловолосые нелюди с большими прозрачными глазами и сероватой, отливающей перламутром кожей, исчерченной на щеках узорами белесых шрамов, действительно были другими, и ни одна здравомыслящая девушка не стала бы всерьез строить планы на близкие отношения с тем, кто отличается от человека не только внешностью, но и самой своей сутью.

То, что Дарла, несмотря на свои фантазии, девушка все-таки разумная, Нелл порадовалось, как и то, что соседка пойдет на бал с ней. С Реем они смотрелись бы довольно несуразной парочкой, учитывая, что худощавая Нелл была на полголовы выше пухленького круглолицего парня, а теперь, с Дарлой, получится маленькая дружеская компания. Хотя Нелл не сомневалась, что на балу неугомонная подружка непременно потеряется и если не с эльфом и не с «единственным», то с каким-нибудь представителем мужского пола обязательно познакомится. Но это будут уже его проблемы.

В академии имелось лишь одно помещение, способное вместить в себя всех студентов и преподавателей разом, — столовая. Тут и устраивали общие праздники. Из огромного зала убрали большую часть столов, а над оформлением неплохо потрудились иллюзионисты. На стенах ожили картины осенних пейзажей, потолок стал небом, по которому плыли белые облака и пролетающие время от времени стаи стремящихся на юг птиц, поддерживающие потолок колонны превратились в деревья, с легкими порывами ветерка ронявшие резные золотистые листья. Листья кружились в воздухе, а касаясь чего-нибудь или кого-нибудь, рассыпались сверкающими искорками.

Вечер выдался теплый, и для тех, кто не захочет провести его с начала и до конца под крышей, огородили гирляндами и охранной сетью скверик рядом со столовой. Поставили там несколько новых беседок и десятков лавочек.

Хотя на бал собралась вся академия, давки в дверях не было. Гости входили неспешно и чинно, а за тем, чтобы не возникло стычек и недоразумений, тут тщательно, но незаметно следили.

— Приветствую вас, дамы. — Приятный молодой человек, одетый, как и многие из пришедших, в классический черный

смокинг, словно не заметив Реймонда, поклонился Нелл, тряхнув отросшими до плеч каштановыми кудрями, и подал руку Дарле, помогая взойти по ступенькам. — Первый бал для вас в академии? — определил он безошибочно. — Желаю хорошо провести время.

Дарла, кажется, уже никуда и не шла бы, сраженная блеском лукавых карих глаз и белозубой улыбкой. Пришлось едва ли не силой втащить ее в зал.

— Такой милый, — шептала она, непрерывно оглядываясь. — Видела, как он на меня смотрел?

— Работа у него такая, всех рассматривать, — бросила Нелл, спеша увести впечатлительную подружку подальше от входа. — Внутренняя полиция академии, порядок блюд.

— Полиция? — не поверила Дарла.

— Значок на лацкане, — коротко объяснила ей Нелл, успешная рассмотреть не только глаза и улыбку.

И не только значок.

Обернувшись вслед за подругой, Нелл вприщур взглянула на полицейского. Когда-то она знала троих братьев-перевертышей, но те были волками, а этот... Воздух поплыл под ее взглядом, свет преломился, обрисовав вокруг улыбчивого блюстителя порядка зыбкую тень... кота?

Оборотень, почувствовав внимание к своей персоне, напрягся, тень сделалась четче, и стали заметны кисточки на настороженно поднятых ушах. В следующий миг полицейский обернулся, но Нелл уже любовалась березовой роцей, нарисованной на стене объемными иллюзиями.

— Все равно милый, — протянула со вздохом Дарла.

Нелл представила мага-оборотня в звериной ипостаси и не нашла причин не согласиться.

— Мило? — переспросил Рей, услышавший лишь обрывок разговора. Посмотрел на иллюзорную рожицу. — Ну да, неплохо. Только... а-а... пчки!

Похоже, аллергия у него была даже на морок.

— Сходил бы ты к целителям, — посоветовала Нелл.

— Я ходил, — прогнусавил парень, спрятав нос в вытащенный из рукава платок. — Лекарство дали.

— И?

— От него спать хочется.

Не чихал бы, так зевал. Незавидный выбор.

— Нужно наших найти. — Нелл ухватила высморкавшегося кавалера под руку. — Дарла... Дарла! Ты с нами?

Подруга отвела взгляд от входной двери, где раскланивался перед очередной красавицей оборотень, и уныло кивнула.

Недолго поплутав в толпе, Нелл вывела друзей к своей группе. Первокурсники скромно жались к стене, на которой журчал водопад, и бросали голодные взгляды на уставленные закусками

и напитками столы. Пришлось подать пример. Нелл взяла наполненный легким вином бокал и тарталетку с паштетом. Если и есть что-то хорошее в подобных мероприятиях — то это бесплатная еда. Донеся эту простую мысль до однокашников, староста сочла миссию выполненной. Можно было послоняться еще с полчаса по залу и незаметно уйти.

А можно было остаться.

Когда все наконец-то собрались, ректор, открывая бал, произнес недлинную речь, и зазвучала музыка, она вспомнила вдруг, как любила когда-то праздники. И танцевать.

Дарлу уже пригласил Стивен — рослый блондин со спецкурса, которому подружка строила глазки еще на отборе, и, глядя, как они кружатся под нежную мелодию, а на головы им падают с деревьев-колонн иллюзорные листья, рассыпаясь по волосам теплыми искорками, меньше всего хотелось и дальше стоять на месте. Хотелось радоваться... хоть чему-нибудь: музыке, бесплатному угощению, золотой осени, которой в зале сегодня было больше, чем на улице...

Почему бы и нет?

Ничего уже не будет как прежде, но ведь это не повод отказываться от доступных радостей. Только руку протяни, и...

Рей снова расчихался и упустил момент. Под руку попался Кевин. По росту он подходил Нелл больше, но танцевал, как выяснилось, ужасно. Однако оттоптанное неуклюжим увальнем ноги не стали причиной отказать в танце незнакомому молодому человеку, который, вынырнув из толпы, вдруг оттеснил от Нелл и неуверенно топчущегося на месте Рея, и других одноклассников. Видимо, неброское платье не справилось со своей задачей и она все же привлекала внимание, но такое внимание было даже приятно. Вечер обещал быть веселым.

Обещал, но не стал...

— Нелл?!

Молодой светловолосый мужчина, с которым она столкнулась у стола, куда пошла, чтобы взять что-нибудь из напитков, смотрел на нее так, как будто увидел привидение.

Хотя почему «как будто»? Он и увидел привидение. Бледный призрак той, кем она была раньше.

Не сосчитать, сколько раз Нелл представляла себе их встречу. Представляла, как они сталкиваются вот так же, и он отворачивается, не узнав...

Но, наверное, она не так сильно изменилась, как ей казалось.

— Нелл. — Дрожащие пальцы вцепились в ее плечи. — Это... это же ты?

Можно было сбежать и позволить ему убедить себя в том, что он обознался. Но он здесь, в академии, а значит, рано или поздно они встретятся снова.

— Это я. Здравствуй, Алан.

С начала праздника прошло не больше часа, но маленькие оплетенные плющом беседки уже оккупировали юные влюбленные.

— Что у вас тут? — Голос Алана дрожит от волнения, но застигнутой за поцелуями парочке слышится гнев. — Возвращайтесь в зал.

Девушка испуганно ойкает, норовит незаметно проскользнуть мимо. Юноша прячет недовольство во взгляде, кивает с ложной покорностью:

— Хорошо, профессор.

— Уже профессор? — Нелл улыбается одними губами. — Поздравляю.

Поздравление остается без внимания.

Руки Алана касаются плюща. Сила льется с пальцев, на одном из которых блестит золотом обручальное кольцо, напитокывает соком зеленые побеги. Гибкие плети шевелятся, разрастаются, плотнее опутывают беседку, пряча от случайных взглядов тех, кто внутри.

Столько приготовлений ради короткого разговора.

У него лишь два вопроса: «Как?» и «Почему?»

У нее один ответ: «Какая разница?»

Он думает, что у него есть право знать.

Она знает, что некоторые вещи должны навсегда остаться в прошлом.

— Почему, Нелл? Почему?

Она пожимает плечами. Потому что считала, что так будет правильно? Лучше — всем, включая его?

— Меня зовут Элеонор, — говорит она, вынимая из сумочки сигареты. Вытаскивает одну, заправляет в мундштук. — Элеонор Мэйнард. Двадцать два года, сирота. — Огонек вспыхивает на кончике пальца, и легкие наполняются дымом. — В этом году поступила на спецкурс по темным материям и планирую его закончить.

Он молчит. Смотрит на нее долго и пристально, выискивая черты той прежней, и не находит. А она замечает с грустью, что сам он почти не изменился. Не внешне, во всяком случае. Все так же хорош собой. По-юношески строен. Редкие морщинки пока незаметны на высоком лбу и вокруг глубоких синих глаз. Волосы он так же собирает на затылке в короткий хвост и подвязывает черной лентой.

— Я здесь не из-за тебя, Алан, если вдруг ты подумал об этом, — выдыхает она вместе с дымом. — Я лишь пытаюсь устроить свою жизнь. Снова. И не собираюсь вмешиваться в твою.

— Элеонор, — повторяет он потерянно. — Двадцать два года... Семь лет учебы... Почему?

Потому что легче начать новую жизнь, чем вернуть старую.

И не все из той жизни хочется возвращать.

А то, что хотелось бы, уже не получится.

Нелл говорит ему это, но мысленно. А мысли читать он не умеет...

Но старается. Снова смотрит так пристально, словно рассчитывает заглянуть ей в самую душу. Натягивается на ее взгляд и, не выдержав, отворачивается.

— Я здесь с Сюзанной. Мы поженились.

— Поздравляю, — опять улыбается Нелл. Лезет в сумочку за очередной сигаретой. — Работаете по специальности? Оба? Преподаете?

— Я преподаю. Практическая демонология. В академии уже девять лет. В прошлом году получил профессорскую степень...

Нелл молчит: с этим событием она его уже поздравляла.

— У нас с Сью двое детей, — продолжает он. — Сын и дочь. Марку всего год, а... Хелене восемь...

Долгий испытующий взгляд, но она не отводит глаз. Только сигаретный дым наполняется горечью.

— Я рада за вас, Алан. Но не нужно передавать Сюзанне приветов. Я уже сказала: мне нет дела до вашей жизни.

Слова горьки, как дым, и мужчина морщится. Но он переживает это.

Случайная встреча, ненужные воспоминания.

Разговор, который пора заканчивать...

Она вытряхивает окурки из мундштука и тянется за новой сигаретой. Прикуривает и лишь потом замечает, что осталась одна.

Затягивается глубоко и закрывает глаза. Слезинка успевает сорваться с ресниц, но Нелл ловит ее и размазывает по щеке...

Оливер не планировал задерживаться на празднике. Собирался ограничиться приветственной речью, перебросятся парой нейтрально-вежливых фраз со знакомыми и вернуться домой. Но разве его планы кого-то интересовали? Сначала лорд Эрентвилль удивил несвойственной эльфам в целом и самому послу в частности общительностью: минут двадцать разглагольствовал о судьбах их народов и перспективах развития академии. Стоило от него избавиться, как в ректора вцепился декан факультета иллюзий. Выспрашивал, как милорд находит оформление зала. Подумалось, что напрашивается на похвалу, стоило признать заслуженную, а оказалось, хотел пожаловаться на недостаточное финансирование и нехватку поддерживающих иллюзии амулетов. Мол, снабжали бы его факультет получше, и столовую бы украсили как следует, и вообще во всей академии лоск навели. На это милорд Райхон ответил, что зал и так украшен на славу, а лоск в академии нужно наводить отнюдь не иллюзорный, и потому дополнительные средства пойдут не на закупку амулетов, а на ремонт корпусов. Распрощался с обиженным иллюзио-

нистом и тут же был пойман дамами из женского комитета. Настроился выслушивать требования относительно льгот для работающих матерей, но дамы успели, по их словам, пригубить вина, а на нюх ректора так и чего покрепче, и вместо льгот требовали танец. С каждой. Оливер сослался на боль в травмированной когда-то спине и сбежал, для человека, страдающего от последствий перелома позвоночника, довольно резко.

Ринулся сразу к выходу, делая вид, что не замечает ни ответственных кивков, ни приглашающих улыбок, сбежал с крыльца и едва не разжился новым переломом: выскочивший из кустов человек с силой оттолкнул ректора в сторону, и тот лишь чудом не упал.

— Алан? — Оливер с удивлением узнал в невеже молодого профессора демонологии. — Что с вами?

Демонолог, спешивший так, словно за ним гонится вырвавшийся из пентаграммы демон, остановился и как-то неуверенно замотал головой.

— Ничего, — выдавил он. — Все в порядке.

Ни извинений, ни объяснений глава академии не дождался.

Это было до того не похоже на обычно спокойного и вежливого Алана Росса, что Оливер решил проверить, какое там за кустами «все» и действительно ли оно в порядке.

Алан не обманул, в огороженном защитной сетью скверике не наблюдалось никаких вопиющих нарушений. Можно было уходить, но...

Оливер сжал виски. Мигренями он не страдал, но, видимо, гвалт и суета праздничного вечера дали о себе знать. Возраст опять же. Нервы? С чего бы? Но сердце заныло, словно...

...все беды и разочарования вспомнились в один миг. Все потери и несбывшиеся мечты.

Вокруг стало вдруг тихо и пусто. Молодые люди, недавно сидевшие на лавочках или прогуливавшиеся аллеями, куда-то подевались, точно бежали от необъяснимой беспричинной тоски, наполнившей воздух, практически вытеснив из него запах поздних цветов и увядших листьев. Захотелось последовать примеру студентов и вернуться в зал, туда, где веселые голоса и музыка развеют безрадостное наваждение. Но это желание тут же сменилось другим: не видеть никого, спрятаться, предаться извращенному наслаждению терпкой горечью воспоминаний.

Выросшая прямо перед Оливером беседка, густо оплетенная плющом, как нельзя лучше подходила для таких занятий. Но, войдя внутрь, милорд ректор понял, что опоздал: беседка была уже занята.

— Простите, — извинился он.

— За что? — знакомым женским голосом отозвалась темнота.

— Э-э-э... — Инстинктивно сплетенное заклинание ночного зрения позволило рассмотреть прислонившуюся спиной к стене девушку. — Мисс Мэйнард? Я... не знал, что вы курите.

— Разве это запрещено? — спросила она, выпуская струйку дыма.

Оливер покачал головой. Ему не нравились курящие женщины, но нет, не запрещено. И не его дело, как и чем нынешняя молодежь портит себе здоровье, лишь бы учебе и порядку в академии это не мешало. А ему нужно идти...

Но желания опять поменялись, и он понял, что не хочет уже оставаться в одиночестве.

— Почему вы не в зале? — спросил девушку.

— А вы?

Должно быть, она задала встречный вопрос механически, забыв, что говорит с преподавателем, и он не обязан был отвечать...

— Не люблю праздники. В последнее время не люблю. Особенно этот.

— Чем же он особенный?

— Неприятные воспоминания. Вернее... приятные, но...

Именно с Осеннего бала начался их с Камиллой роман. Они пришли на праздник врозь, недавно назначенный ректор академии и молоденькая преподавательница, а ушли вместе. Сколько лет прошло с того вечера? Почему он вспомнил об этом?

И зачем рассказал?

— Что с ней случилось, с той женщиной?

— Вышла замуж. За моего... секретаря. Сейчас работают оба в Глисетском университете.

Сердце забилося быстрее.

Из-за Камиллы?

Вот уж глупость: столько времени минуло.

Из-за Глисета? Как будто... Но он и бывал-то там всего раз десять.

И все равно захотелось сменить тему.

— На другом Осеннем балу другая девушка пригласила меня на танец и поцеловала... Потом тоже вышла замуж...

Да уж, сменил.

К чему вообще этот разговор?

Наверное, к тому, что ему категорически запрещено начинать отношения с женщинами с Осеннего бала.

— Хотите выпить? — предложил Оливер.

— Не откажусь.

— Вина? Или что-нибудь покрепче?

Следовало задуматься, отчего он вдруг решил напиться, да еще и в компании собственной студентки. И он задумался. Но, как ни странно, не увидел ничего необычного и неправильного ни в своем предложении, ни в ее согласии.

ГЛАВА 4

Солнце уже взошло. Пробивалось сквозь неплотно задернутые шторы, светило в глаза.

Оливер давно бы поднялся, хотя бы затем, чтобы поправить занавески... если бы не рука. Тонкая женская рука, лежащая по-хозяйски на его груди. Легкая, практически невесомая, она тем не менее уже четверть часа не давала ему встать с постели, даже оставаясь неподвижной. А когда длинные пальчики с острыми ноготками вдруг шевелились под слышащееся справа сонное бормотание, поглаживали с бессознательной лаской и вновь замирали, милорд Райхон с силой зажмурился и, стиснув зубы, задерживал на несколько секунд дыхание.

Хотел бы он сказать, что виной всему выпивка, что он не отдавал себе отчета в том, что делает, и вообще не помнит ничего из случившегося ночью, но, увы, помнил. И чем дольше вспоминал, тем неудобнее было лежать.

В конце концов он не выдержал: придержал белую, словно из гипса вылепленную кисть и, медленно отодвигаясь к краю, сполз с кровати. Подобрал с ковра свои брюки и, тихо ступая по глубокому ворсу, дошел до ванной.

Успокоиться. Для начала — успокоиться.

Созерцание обнаженного женского тела не способствовало выполнению поставленной цели, но Оливер тем не менее простоял еще с минуту в дверях, прежде чем запереться в ванной. Открыл воду, умылся, пригладил мокрой ладонью волосы и лишь затем рискнул посмотреться в висевшее над раковиной зеркало.

Не так все и плохо.

Если причесаться.

Побриться.

Рубашку надеть, спрятав расцарапанные плечи и кровоподтек с едва заметными следами зубов, алевший над ключицей.

Момент, когда он разжился этим «украшением», вспомнился вдруг остро и ярко, заставив снова скрипеть зубами...

О чем он только думал, когда предлагал ей выпить?

Почему она согласилась?

Что-нибудь покрепче... Пришло же в голову!

Но пили ведь.

Сначала в беседке. Потом он спохватился, что кто-нибудь может увидеть. Открыть портал в собственную гостиную показалось хорошей идеей. А она снова не возражала.

Сидела в его любимом кресле, сбросив туфли и поджав под себя ноги. Глотала, не морщась, неразбавленный джин и слушала всю ту чушь, что он нес.

Курила, стряхивая пепел в круглую бронзовую пепельницу — он сам не помнил, откуда эта пепельница взялась в его доме, — потом доставала из сумочки коробочку с мятными пастилками.

Пастилки запивала джином.

По одной отщипывала изумрудные ягодки от большой виноградной грозди, катала между пальцами и отправляла в рот. Раскусывала, чуть жмурясь. Губами снимала с пальцев капельки сладкого сока...

Все, что было после, иначе, чем сумасшествием, и назвать нельзя, но искренне сожалеть о случившемся не получалось.

Хотя, наверное, стоило бы.

Нелл разбудило приглушенное журчание воды. Первым побуждением было укрыться с головой и спать дальше. Но одеяла под рукой не оказалось. Зато внезапно выяснилось, что кровать намного шире и мягче той, к которой она привыкла за месяц в общежитии, простыни тонкие и гладкие, а наволочка пахнет не дешевым мылом, а лавандой и розмарином... мужским одеколоном, табачным дымом, вьвшимися в ее волосы, влажной разгоряченной кожей...

— О нет, — простонала Нелл, открыв глаза и оглядевшись.

Убедившись, что в комнате никого, кроме нее, нет, а вода шумит за узкой дверцей и, если повезет, шуметь будет еще долго, Нелл вскочила с постели и принялась лихорадочно собирать с пола и кресел свои вещи.

Боги, за что?

Почему это не оказалось лишь сном? Очень неплохой получился бы сон. Можно было бы даже вспоминать иногда...

Она натянула сорочку. Нашла оба чулка, но только одну подвязку. Несколько крючков на корсете были вырваны с мясом, но хорошо хоть шнуровка не распущена. Сложно представить, как она заправляла бы ее сейчас дрожащими пальцами...

Почему? — непрерывно спрашивала она себя мысленно.

Почему? Зачем? Когда?

Когда она поняла, что происходит? Еще в беседке или уже здесь, в его доме?

Но поняла же!

Так почему не остановилась? Не ушла?

И как быть теперь?

Пока ясно одно: платье придется купить. Возвращать его Китти в таком виде нельзя. Сейчас можно подколоть воротничок булавкой и надеяться, что оставшиеся пуговицы продержатся на своих местах до тех пор, пока она не окажется в общежитии...

— Боги, о чем я думаю? — Нелл обхватила руками раскаляющуюся голову.

Алан в академии, а она вместо того, чтобы задуматься над решением этой проблемы, тут же создала себе еще одну.

Оливер Райхон — не дурак. Естественно, он поймет, что произошло и по чьей вине. Проверить не сможет, доказать, если сейчас же не пойдет на освидетельствование к менталистам, — тем более. А он не пойдет: не захочет, чтобы кто-то вытащил из его памяти подробности этой ночи. Но все равно поймет.

И что делать? Был бы он просто куратором — перевелась бы со специального курса на общий. Но он — ректор...

К тому моменту, как в ванной стих шум воды, Нелл уже приняла решение. Лучше разобраться сразу, чем терпеть мучительную неопределенность.

Отчаянно хотелось курить, но, если в портсигаре и остались сигареты, сам портсигар вместе с сумочкой и туфлями валялся где-то в гостиной...

Вошедший в комнату мужчина не ожидал увидеть ее сидящей в кресле и уже полностью одетой и замер в дверях. Потом схватил со спинки кровати свою рубашку, быстро надел и попытался застегнуть, но это ему не удалось. Нелл отстраненно подумала, что за платё она отомстила с лихвой.

— Доброе утро.

Оливер Райхон умел держать лицо. Нелл не удивилась бы, предложи он кофе...

— Доброе утро, милорд. — Она отвела взгляд, но лишь на миг, успев в этот миг решить, что станет смотреть ему в глаза и никуда больше. Не на губы, не на руки, не на покрытую темными волосами грудь...

— Я... — Он хотел что-то сказать, но она не позволила.

— Я, — произнесла твердо. — Я должна вам объяснить.

Говорила она ровно и неторопливо. Хотя после первой фразы можно было уже не продолжать.

— Помните, вы спрашивали об особой отметке в моем личном деле?

Он помнил. И понял. Но показалось, вопреки чаяниям Нелл, это не принесло ему облегчения. Возможно, все-таки стоило промолчать и позволить считать, будто все случилось исключительно по его желанию...

— Я не чувствую, когда это происходит, и сразу не обратила внимания на некоторые странности, — тем не менее говорила Нелл, не успевая подобрать других слов взамен заготовленных. — Потом, видимо, под воздействием алкоголя просто не отдавала себе отчета в своих поступках и желаниях. Я не хотела, чтобы... Вернее, хотела в тот момент, но...

Она запуталась и начинала злиться. В конце концов, он мог бы задуматься, с чего его потянуло откровенничать со студенткой, предлагать ей выпивку и тащить в постель!

— Я знаю, что вы не поступили бы подобным образом, если бы не попали под мое влияние, — продолжила она все же спокойно. — Наверное, неразумно в такой ситуации обращаться к спе-

циалистам. Надеюсь, вы и без экспертизы поверите, что все случилось без моего умысла. Но если вы сочтете, что я не могу больше учиться в вашей...

— Не сочту, — перебил он. — И не думаю, что все произошедшее — следствие только ваших неконтролируемых способностей. Потому что...

Тембр его голоса изменился, и Нелл поняла, что даже в глаза ему смотреть уже не в силах.

— Есть еще кое-что, о чем вы, наверное, не подумали, — проговорила она быстро. — Я не чувствую, когда это происходит. Могу только догадываться. И не отслеживаю длительность влияния. Если я продолжала транслировать эмоции... все время, то... В общем, если вам показалось, что это было что-то особенное, то вам показалось. Просто к вашим собственным эмоциям добавились мои, и это могло ощущаться иначе, потому что мне... в целом было довольно приятно...

Никто не виноват, просто так получилось.

Неучтенные факторы, неконтролируемая трансляция, отсутствие действенного механизма защиты, как, впрочем, и злого умысла.

По всем статьям несчастный случай.

Не страховой, так что компенсаций не полагается.

Объяснили это Оливеру обстоятельно и доходчиво. Добавить нечего.

Да и нужно ли?

Ее, судя по всему, такой вариант устраивает. А его мнением не интересовались. Даже больше: исходя из того, сколько раз его прервали, и слышать не хотели. А навязываться — дурной тон.

Пусть будет несчастный случай.

Если подумать, могло быть и хуже.

Скандал, истерика.

Признание в вечной любви с первого взгляда.

Но... обошлось?

Несколько фраз, сказанных в пустоту. Портал в отдаленный уголок парка неподалеку от третьего женского общежития. Сдержанное прощание.

И все.

Остались смятые простыни, пропахшая сигаретным дымом гостиная, пустые бокалы на столе и окурки в пепельнице...

Откуда она вообще взялась? Пепельница эта...

Он выбросил ее вместе с окурками. Распахнул настежь окна. Вымыл и убрал бокалы.

Хорошо, что в доме нет постоянной прислуги, а приходящая не появляется в выходные. До понедельника дым выветрится. И все остальное... выветрится тоже...

— Если вам показалось, что это было что-то особенное, то вам показалось, — бормотал он себе под нос, стягивая с кровати простыни, то ли в корзину для грязного белья сунуть, то ли в мусорную, к пепельнице. — Но в целом было довольно приятно, угу. Какой изысканный комплимент, мисс.

Злился?

Да. На себя. За то, что принял нелепые эти объяснения. Не нашел, да и не искал, если честно, нужных слов. Признал без возражений ее правоту и, получалось, ее вину.

Спокойнее так?

Да если бы...

Если бы не понимать ничего, то, может, и было бы спокойнее.

Ведь спонтанная же трансляция.

Неосознанная.

Неуправляемая.

Никакого расчета, никакой фильтрации эмоций. Никакой фальши.

Не важно, что она говорила. Ему и слушать не нужно было — просто вспомнить, что сам чувствовал, ведь чувствовал он то же, что и она. И на самом деле это ей вчера было плохо и тоскливо, это она пряталась от всех в темной беседке, она потом, когда он появился, пожелала, чтобы он не уходил, потому что ей, а не ему, не хотелось оставаться одной и нужно было поговорить хоть с кем-нибудь.

А то, что случилось после...

Может, и несчастный случай. Но для нее по итогам — несчастнее. Потому что он провел ночь с потрясающей женщиной. А она проснулась в постели ректора. И судя по некоторым фразам, ожидала от этого ректора теперь чего угодно, вплоть до того, что он исключит ее из группы, а то и из академии.

Но разве он опроверг эти домыслы?

Оливер со злостью пнул кресло, но этого показалось мало, и он со всей силы ударил кулаком по стене.

Этого оказалось уже много. Боль прошла руку от пальцев до плеча, заставила взвыть в голос и выдавила слезы из глаз. Зато дурь из головы выветрилась тут же вместе с желанием продолжать бесполезное самоедство.

Но руке это уже не помогло. Костяшки распухли, печатка, врезавшись, вспорола кожу на пальце. Боль не желала ослабевать даже после льда, а универсальное анестезирующее закливание, хоть и действовало, подвижности разбитой кисти не возвратило.

Промучившись с четверть часа, Оливер пришел к выводу, что без помощи специалиста ему не обойтись. Прошел в кабинет, снял здоровой рукой трубку телефонного аппарата и, плечом прижав ее к уху, набрал прямой номер.

— Поздравляю, — брякнул, окончив осмотр, Грин. — Извините, что руку не жму. У вас там переломы пястных костей и пары фаланг, повреждения межфаланговых связок и растяжение запястья. Говорите, упали? А впечатление, будто устроили спарринг с кирпичной стеной.

— С каменной ступенькой, — слабо усмехнулся Оливер. — Она поставила мне подножку, а я в отместку приложил ее кулаком.

— Разве что так, — флегматично отозвался целитель. — Кулаком в отместку. Потому что при падении выставляют обычно ладонь... Ну да ладно, свои разногласия со ступенькой решите сами, мое дело — лечение. Знаю, о чем вы попросите, и сразу скажу: не рекомендую.

— Что не рекомендуете?

— Скоростное восстановление на амулетах. Отек я сниму и соответствующее плетение, чтобы ускорить выздоровление и избежать осложнений, наложу, но для нормального сращения костей и связок предлагаю дать организму какое-то время.

— Сколько? — Спорить с доктором не хотелось, а глупость должна быть наказуема.

— Не больше пяти дней. Мы с Бет хотели пригласить вас на ужин в среду, и у меня никакого желания наблюдать за столом ваши потуги удержать в одной руке и нож и вилку.

— Бокал забыли, — хмыкнул ректор. — Спасибо за приглашение. Но почему именно в среду? Есть повод?

— Есть график. Ваших занятий, моих дежурств, дежурств Бет и леди Пенелопы в лечебнице и патрульных смен Норвуда. Вечер среды у всех свободен. Я не назвал инспектора, но, думаю, вы догадались, что он будет. Так что, если не хотите сорвать моей супруге запланированный раут, настоятельно советую в конфронтацию ни с какими архитектурными сооружениями больше не вступать и придерживаться моих рекомендаций.

К манерам Грина Оливер давно привык и знал, что в подобном тоне доктор общается далеко не со всеми. Насмешки целителя, по сути, беззлобные, являлись скорее свидетельством дружеского расположения, нежели желания уязвить. И лишних вопросов Эдвард обычно не задавал, соглашаясь, что не все и не всегда ему нужно знать. Но если вдруг решал, что нужно, можно было не сомневаться, что узнает, как в тот раз, когда по личному почину влез в расследование одной темной истории, которой и сам милорд Райхон занимался непосредственно и безуспешно. Не сказать, что доктор особо преуспел в том, что не давалось ни главе академии, ни полиции, но отличился в каком-то смысле: сначала чуть не погиб, а по окончании дела женился. После угомонился вроде бы.

Но и в обычной жизни Грин интересовался самыми разнообразными вещами и разбирался не только в целительстве, так что

оставалось лишь удивляться, как он находит время и силы на все свои увлечения.

— Эдвард, вы, случайно, не знаете чего-нибудь о спонтанных эмпатических процессах? — наугад спросил Оливер, пока доктор занимался его рукой.

— Что-нибудь знаю, — ответил тот, не отвлекаясь от обработки ссадин на костяшках. — И не случайно. Если помните, у Бет были проблемы из-за нарушения эмпатической защиты. Вас интересует что-то конкретное?

— Не то чтобы интересует, — с ленцой протянул ректор, надеясь, что не переигрывает. — Слышали о неконтролируемой трансляции эмоций?

— Естественно, — пожал плечами Грин. — Обычное дело. Все люди так или иначе транслируют свои эмоции окружающим, и, как правило, делают это ненамеренно.

— Вы не поняли, — покачал головой Оливер. — Я говорю о трансляции такой силы, что оказавшиеся в ее радиусе будут считать эти эмоции своими собственными. Так же как это происходило бы при использовании направленных ментальных чар... но без них.

— А, ясно. Случается и такое. Простейший пример — душа компании. Люди, которые в обществе неизменно оказываются в центре внимания. С ними интересно, их веселье заражает. Это списывают на личное обаяние, манеры, эрудицию... Но иногда это — следствие той самой трансляции эмоций. Человек, пребывая в хорошем настроении, передает его остальным. К нему тянутся, неосознанно желая попасть в радиус воздействия. Но если этот же человек будет не в духе, от него станут бежать как от чумного.

— Бежать?

— А что же еще? — удивился Грин. — Даже при неконтролируемом всплеске негативных эмоций окружающие будут подсознательно ощущать его источник и стараться держаться подальше. Если, конечно, у них есть такая возможность. В замкнутом пространстве, к примеру, при проживании в одном доме или работая в одном помещении, изолироваться вряд ли удастся. Отсюда семейные ссоры и склоки в коллективе. Не всегда, само собой, чаще наоборот — негативный эмоциональный фон является следствием конфликта. Но случается и так, как я рассказывал.

Оливер вспомнил опустевший в несколько минут скверик рядом со столовой. Совпадение? Или все находившиеся там действительно ощутили гнет чужих эмоций и инстинктивно старались уйти подальше от их источника? Почему тогда он остался?

— Скажите, Эдвард, если нет ограничений в виде замкнутого пространства, но некто все-таки не избежал попадания под влияние чужого настроения, чем это можно было бы объяснить?

Грин, приступивший уже к перевязке, ненадолго прервался и задумался.

— Влияние точно было ненамеренным? — уточнил он. Оливер кивнул. — Тогда есть несколько вариантов. Повышенная внушаемость пострадавшего. Ослабление естественной защиты вследствие каких-то иных событий. Некие отвлекающие факторы, не позволившие сразу почувствовать немотивированное изменение настроения. Или... Мы говорим о конкретном случае?

— Нет, — отмахнулся здоровой рукой Оливер. — Но если попытаться смоделировать ситуацию... Допустим, в разгар праздника, когда всем весело, некто транслирует противоположные эмоции. Все инстинктивно избегают его, но какой-то человек все же попадает под воздействие.

— Ему тоже было весело на празднике?

Да какое там...

— Предположим, что нет.

— То есть как такового перепада настроения он не ощутил? Откуда тогда уверенность, что трансляция имела место?

— Мы же обсуждаем гипотетическую ситуацию, — не позволил поймать себя на недомолвках Оливер. — Трансляция уже в условиях задачи. И перепад он ощутил, но не настолько резкий, чтобы это его насторожило.

— Тогда все просто. — Грин вернулся к перевязке, утратив интерес к вопросу. — Транслируемые эмоции совпали по спектру с эмоциями попавшего под влияние. Возник резонанс, вследствие чего эти эмоции естественно усилились. В таком состоянии не исключено усложнение связей и возникновение ответной волны. Этакая усиленная ретрансляция... Понимаете, о чем я? Замкнутый круг: один передает эмоции, второй возвращает их, пропустив через себя, первый принимает больше, чем отдал, и транслирует еще более сильные чувства.

— Эмоции могут меняться в процессе? При сохранении резонанса?

— Почему бы и нет?

— И чьи тогда это эмоции?

Целитель снова отвлекся от бинтов. Сморщил лоб.

— А хрен его знает, — выдал после раздумий универсальную, хоть и не совсем научную формулировку. — Скорее всего, того, кто инициировал начальную трансляцию. Но нельзя исключать, что они изменились под влиянием второго участника.

— Можно об этом где-нибудь почитать?

— Можно, — разрешил доктор. — Чтение вам не противопоказано. А вот физические нагрузки придется ограничить. И... пропишу-ка я вам еще особое питание.

— С повышенным содержанием кальция? — предположил Оливер, припомнив, какая диета предписана при переломах, которых у него за жизнь случилось немало.

— С повышенным содержанием еды, — укоризненно проворчал Грин. — Нормальной еды, а не кофе с сэндвичами. Мне вовсе не улыбается лечить вам еще и гастрит, а вы к нему уверенно стремитесь.

Беседа перетекла на темы здоровья и профилактики заболеваний желудка, коими доктор грозил милорду Райхону уже не первый год, но, на счастье, не затянулась. Грин вспомнил, что и сам не успел позавтракать, велел прийти в понедельник к нему в лечебницу, чтобы показать руку, и на этом попрощался.

Оставшись один, Оливер подумал, что и впрямь неплохо было бы поесть, но вместо похода в столовую, где у него имелся свой стол в отгороженном и от общего студенческого зала, и от преподавательской части «кабинете», зачем-то достал из мусорной корзины пепельницу, кое-как отмыл ее одной рукой и поставил на каминную полку в гостиной, после чего решил наведаться в библиотеку.

Сам Грин гастрита не опасался. Доктору повезло жениться на женщине не только красивой и умной, но и обладающей определенными кулинарными талантами. Где урожденная леди Аштон научилась готовить и откуда брала неизвестные местным кухаркам рецепты — история отдельная, но за годы уже стало традицией, что в выходные кухней Элизабет занималась сама.

— Ну что там? — Миссис Грин встретила мужа в прихожей и с порога начала допрос. — Что с Оливером?

На звонок ответила она и рассказ об ушибленной руке выслушала раньше супруга, но, зная милорда Райхона, не исключала, что тот многого недоговорил.

— Ерунда, — успокоил ее доктор. — Споткнулся и неудачно упал на руку. Походит в повязке несколько дней, впредь будет осторожнее.

— Рука правая? Которую он прошлой зимой поранил?

— Угу. Не везет ему с ней. — Эдвард принялся к доносившимся из столовой ароматам. — Вы уже позавтракали?

— Грэм — да, а я ждала тебя.

— Сейчас, только руки вымою...

Но первым делом он направился в кабинет. Оставил на полке у двери саквояж, с которым ходил на дом к пациентам, и подошел к столу. Достал из выдвижного ящичка папку, откуда вынул несколько сколотых между собой листов.

— Неконтролируемая трансляция эмоций, — прочитал негромко. — Гипотетическая ситуация, угу.

Копию личного дела Элеонор Мэйнард он взял в канцелярии несколько недель назад: нередко общие сведения подшивались к больничным картам студентов, и его запрос никого не удивил. Как и самого доктора не удивила и не заинтересовала особая отметка в деле мисс Мэйнард. Подобные способности чаще созда-

вали проблемы своим носителям, нежели их окружению, и вряд ли могли быть связаны с чарами, повлиявшими на внешность девушки, а Грина интересовало это и только это.

— Любопытно, — пробормотал он. — Очень любопытно.

Но интуиция, которой природа доктора не обделила, подсказывала, что любопытство в данном случае лучше умерить.

ГЛАВА 5

С возвращением в общежитие Нелл повезло, по дороге от парка ей никто не встретился, смотрительница, обычно дежурившая в холле, куда-то отлучилась, а в коридорах было непривычно тихо и пусто. Девушки, полночи развлекавшиеся на балу, еще даже не вставали. Дарла, завалившаяся в кровать не раздеваясь, спала как убитая и прихода соседки не заметила, а позже выяснилось, что и ночного отсутствия — тоже: вернувшись, она тихо зашла в комнату, уверенная, что Нелл давно спит, не зажигая света, легла и тут же уснула. Проснувшись, еще и извинялась за то, что потеряла подругу в суматохе.

Не решение всех проблем, но хоть за нарушение распорядка выговор не влепят. Интересно, как повел бы себя милорд Райхон, когда ему, как куратору, передали бы докладную комендантши о том, что одна из его студенток неведомо где гуляла до утра?

Нелл тряхнула головой: нет, не интересно. Ни капельки.

К пробуждению Дарлы она успела сходить в купальню на первом этаже и смыть с себя следы минувшей ночи. С водой унеслась часть тревог и ненужных мыслей, позволив сосредоточиться на главном.

Алан. Здесь. В академии.

Алан и Сью.

Сердце отзывалось болью на эти имена, но скорее по привычке. Столько времени прошло, столько всего случилось, что прошто не может уже болеть. Не о чем. Нечему.

Надо думать о том, как быть дальше.

Чем ей грозит то, что кому-то тут известно, кем она была прежде? Что они могут сделать? Расскажут историю, которой сами толком не знают? Рискнут разворошить похороненное в архивах прошлое? Опровергнуть его?

Зачем им это? При их спокойной счастливой жизни — зачем?

Незачем.

Но поговорить все же придется.

С Аланом. Сюзанне не стоит знать, она такая впечатлительная... была...

Да, нужно поговорить с Аланом. Но не сегодня. Потом. Когда он сам решит продолжить разговор, а Нелл не сомневалась, что он решит.

А после она все же хотела увидеть Сью. Незаметно, издали.

Сью и их с Аланом дочь — девочку, названную именем той, чьей смерти обязана своим рождением, той, чей прах хранится в запечатанной урне в забытом склепе, куда никто не носит цветов.

Нелл знала об этом, потому что до приезда в академию побывала в том склепе. Постояла с минуту у неглубокой ниши, коснулась пальцами выбитого в камне имени. Цветов не оставила...

Имея богатое собрание книг, часть которых досталась от отца, а часть была куплена уже лично, в библиотеке академии Оливер появлялся нечасто, а в секции менталистики не бывал, кажется, вообще никогда. Но от помощи в подборе литературы тем не менее отказался. Возможно, оттого, что с некоторых пор подспудно не доверял библиотекарям.

Запрос он решился озвучить только поисковому артефакту.

Стеклянный шар с плавающими внутри его разноцветными светлячками вытягивал немало энергии и ответы давал порой расплывчатые, отсылая посетителя ко всем без разбора источникам, в которых упоминалось нужное имя, событие или явление, но при должном опыте использования был весьма удобен. Среди прочего еще и тем, что не задавал лишних вопросов, не пытался завести отстраненную беседу, а после не заглядывал с любопытством через плечо.

Проследив за самыми яркими поисковыми маячками, Оливер снял с полки три книги. Записываться в журнал не стал, сказав, что просмотрит их на месте, а закончив, сам вернул книги на место.

За час с небольшим он узнал все, что хотел, о непроизвольных трансляциях, эмоциональном резонансе и на всякий случай о диссонансе, но так и не придумал, что теперь со всем этим делать.

Видимо, нужно было поговорить с Элеонор. Она не производила впечатления легкомысленной особы, для которой подобные приключения являлись чем-то обыденным, и сейчас должна была сожалеть о случившемся, а то, что она считала себя ответственной за все, лишь усугубляло эти сожаления.

Но как устроить встречу?

Конечно, у ректора могли найтись причины появиться в выходной на рабочем месте. У куратора группы отыскался бы повод вызвать к себе старосту. Но после всего это было бы неправильно.

В голову лезли глупости вроде того, чтобы пригласить девушку на обед, но проблем это точно не решило бы. Поэтому, не найдя другого выхода, Оливер собрался прогуляться. Где-нибудь в районе третьего женского общежития.

Погода хорошая, создающий иллюзорный полог амулет есть. Можно побродить, не привлекая внимания, дожидаться, когда Элеонор пойдет в столовую или еще куда-нибудь...

Через час после того, как проснулась Дарла и принялась пересказывать соседке все, что та пропустила на вчерашнем празднике, Нелл поняла, что хочет курить.

Еще через полчаса, за которые подружка так и не добралась до окончания рассказа, желание это стало просто невыносимым.

— Прости, мне нужно отлучиться. Договорилась с одной знакомой...

— Со знакомой? — Соседка лукаво улыбнулась. — Не со знакомым?

— О чем ты? — удивилась вопросу Нелл.

— Да так. — Дарла продолжала многозначительно улыбаться. — Подумала, вдруг он тебя нашел и вы успели условиться о свидании. Парень, с которым ты танцевала, старшекурсник... Нет?

— Даже не представляю, о ком ты.

— Как можно такого забыть? — возмутилась Дарла. — Вспоминай: высокий, красивый, смуглая кожа, темные волосы, голубые глаза... Он несколько раз к нам подходил, спрашивал о тебе.

— Точно обо мне?

— Разве тебя можно с кем-нибудь перепутать?

С этим глупо было бы спорить: внешность у нее запоминающаяся. Но внезапно объявившийся поклонник сейчас интересовал меньше, чем спрятанные среди белья сигареты, которые нужно вытащить незаметно для Дарлы и бросить в сумочку, а уже потом, не спеша, уложить в опустевший за ночь портсигар. Даже после того, как она дымила в компании ректора, Нелл не хотела признаваться друзьям в том, что курит. Конечно, и студенты курили, не из их группы, но другие, тут, в академии. Парни пыхтели папиросами, некоторые — дорогими сигарами, напоказ солидно. Девчонки, то хихикая, то напуская на себя романтически-задумчивый вид, тянули тонкие ароматизированные сигареты. А Нелл... она просто дышала дымом, когда чувствовала, что задышается воздухом... Как сейчас.

— Прости, мне нужно идти.

Схватила с полки первую подвернувшуюся книгу, набросила на плечи шаль и выскочила из комнаты до того, как Дарла успела еще что-нибудь сказать.

Оливер надеялся, что ожидание не затянется, но не рассчитывал, что Элеонор выйдет из общежития в тот самый момент, как он свернет на дорожку, с которой просматривалось крыльцо. Он позабыл, что надежно скрыт иллюзией, и чуть не поддался соблазну спрятаться за деревом. Впрочем, сделай он это, ни-

кто не потешался бы над ведущим себя как мальчишка ректором: амулет, создающий полог, Оливер позаимствовал из арсенала полиции, а до того имел возможность убедиться в его мощности. Но и зная, что никто его не видит, чувствовал себя Оливер неуютно.

Пока он раздумывал, как быть дальше, Элеонор приблизилась почти вплотную: лицо спокойно до отрешенности, висящая на сгибе локтя сумочка покачивается в такт шагам, толстая книга прижата к груди. Только взгляд настороженный, нервный, словно выискивает шпионов в растущих по обе стороны от дорожки кустах. Когда этот взгляд скользнул по нему, невидимому, Оливер поежился, прирос на несколько секунд к земле, но, позволив Элеонор отойти на несколько ярдов, пошел за ней. Ничто не мешало сбросить иллюзию и окликнуть девушку, но он продолжал красться следом, убеждая себя, что просто ищет удобный момент.

Выложенная плиткой дорожка закончилась невысоким бордюром, за которым начиналась вытоптанная в траве тропинка, уводящая вглубь парка. Тропинка упиралась в стену кустарника.

Незаметно протиснуться в узкую прореху так, чтобы ни одна веточка не шелохнулась, у него не получилось бы, но Оливер и пытаться не стал. Он знал, что там, за кустами. Маленькая полянка из тех, на которых любят собираться вечерами студенты, толстое бревно или притащенные из-под фонаря скамейки. К нему регулярно поступали жалобы от зрителей территории, чьи попытки ликвидировать «непотребные места» раз за разом терпели крах, и милорд ректор, снабдив эти писульки соответствующей резолюцией, передавал их в отдел благоустройства, прекрасно помня о том, что Ланс Бертран, возглавлявший этот отдел, в студенческие годы лично приложил руку к созданию нескольких таких «непотребных мест», а значит, за сохранность уединенных полянок можно не волноваться. Много эти зрители понимают! Для непотребств и другие места найдутся, а вот посидеть компанией в тихом уголке или с девушкой вдвоем... Или девушке одной, бросив на скамейку книгу и вынув из сумочки сигарету. Затягиваться с наслаждением, задерживать на миг дыхание, а затем медленно выпускать струйку дыма...

Оливер никогда не курил. Общество курящих мужчин терпел, скрывая раздражение. Курящие же женщины ему откровенно не нравились. Не нравились их театральные жесты, вытянутые трубочкой губы и то, как, едва затушив сигарету, ему протягивали для поцелуя провонявшую табачным дымом руку. А сейчас залюбовался сидящей на полянке девушкой. И целовал ведь ночью, и не только руки...

— Я знаю, что ты здесь, — вдруг сказала она громко.

Оливер непроизвольно сжал висевший на груди кулон. Как?! Откуда?!

— Можешь не прятаться, тебе это никогда не удавалось... Сью...

От самого общежития Нелл чувствовала на своей спине взгляд, а отойдя подальше и успокоившись сигаретой, сумела разглядеть марево щита. Иллюзия просвечивала, стоило сконцентрироваться, а чтобы узнать прятавшуюся под ней женщину, и напрягаться не пришлось, лишь признаться себе, что помнила ее все эти годы, миниатюрную фигурку, небрежно собранные в пучок каштановые кудряшки, любопытно вздернутый носик.

Сью, как и Алан, почти не изменилась. Поправились немного, двое детей все-таки, повзрослела. Но, когда улыбалась, должно быть, смотрелась все той же девчонкой. Нелл так казалось, но догадка осталась догадкой: улыбаться ей Сюзанна и не думала. Вышла из-за кустов, сделала шаг и остановилась.

— Обниматься не будем? — спросила Нелл. Серьезно спросила, без насмешки, оставляя за Сью право задать тон предстоящему разговору. Захочет, и можно обставить все как долгожданную встречу. И обняться, и поплакать, и поплакаться...

— Обниматься? — Сюзанна тяжело сглотнула. Покачала головой.

Значит, не захочет.

— Зачем тогда пришла?

Прозвучало грубо. Как и задумывалось.

— Хотела убедиться, что Алан не ошибся, что это... это и правда ты...

— Это я.

Молчание, неловкое для обеих.

С одной стороны, ничего не сказано. С другой — говорить не о чем.

Нелл закурила новую сигарету. Если бы Сью, как накануне Алан, воспользовалась этим, чтобы исчезнуть, она не удивилась бы. Но миссис Росс слукавила, сказав, что пришла только проверить слова мужа, вчера, очевидно, показавшиеся ей бредом. У Сюзанны был вопрос, который она долго — так долго, что Нелл успела докурить сигарету и достать следующую, — не решалась задать, а после выпалила, захлебываясь словами:

— Десять лет, Нелл! Десять лет! Как ты могла? За что ты так с нами? С Аланом? Со мной? Целых десять лет!

— Разве? — с дымом выдохнула Нелл. — В январе уже одиннадцать, Сью. А будь моя воля, было бы и двенадцать, и двадцать, и пятьдесят. Я не планировала появляться снова в вашей жизни и не зову вас в свою. Вчера я сказала об этом Алану. Сегодня повторяю тебе. Академия большая, можно жить тут годами и никогда не встречаться. Думаю, у нас получится.